

The illustration depicts a wizard with a long white beard and a dark hooded robe, standing in a dark, misty forest. He holds a wooden staff in his right hand and a glowing yellow book in his left. A small lantern is attached to his belt. In the background, a small, dark, thatched-roof hut is visible among the trees. The overall atmosphere is mysterious and dark.

ВІЗБУШКА НА КРАЮ ОМУТА

Полина Луговцова

Тайны глухих деревень

Полина ЛуГОВЦОВА

Избушка на краю омута

«Автор»

2019

Луговцова П.

Избушка на краю омута / П. Луговцова — «Автор»,
2019 — (Тайны глухих деревень)

ISBN 978-5-532-03204-0

Победитель XI ежегодного литературного конкурса "Новая книга" 2020 г. в номинации "Мистика. Хоррор. Саспенс", 2-е место. Камышовка - опустевшая деревушка в сибирской глубинке. Говорят, жители ее не разъехались в поисках лучшей жизни, а сгинули. Незримое зло, поселившееся в тех краях, год от года пожирало несчастных, и теперь ему нужны новые жертвы. Но, кажется, кто пойдет по доброй воле в такое гиблое место? А ведь идут. Есть для того приманка - многие знают, что еще в давние времена спрятан в той глуши клад хана Кучума - несметное богатство. Только не знают, что не смогут просто так взять сокровище, есть у него хранитель - тот, кто и пригласил темные силы клад Кучума стеречь.

ISBN 978-5-532-03204-0

© Луговцова П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Старик	6
Нескучная ночка	15
Лада	23
«Меркнет даже солнца свет в блеске золотых монет...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Полина Луговцова

Избушка на краю оута

Сорок лет хан Кучум царствовал в сибирских землях. В золоте с головы до ног ходил, из золотой посуды ел-пил, богатство копил. Но однажды пришел Ермак, стал теснить войско хана, и пришлось тому спасаться бегством. Велел он воинам своим богатство несметное спрятать, не мог увезти все с собой. Спрятать-то спрятали, да только, говорят, хан за ним так и не вернулся. С тех пор ищут сокровища, да найти никто не может. Говорят, потому, что хан Кучум хитрый был. Те, кто богатство хоронил, и не знали, что сундуки с «обманкой» закапывают, гвоздями да подковами наполненные, а настоящее золото да камни драгоценные в другом месте покоятся, и где, никому неведомо. Лишь избранным. Кто те избранные, хранящие тайну клада, до сих пор неизвестно. Но слухами земля полнится, заставляя рыскать по просторам сибирским отчаянных мечтателей да искателей приключений. Отправляясь за сокровищами, многие и не подозревают, с чем придется столкнуться им в местах далеких, нехоженных, всеми богами забытых...

Старик

*«В мутном омуте тихо-тихо...
Притаилось под ивой Лихо,
Под корягою дремлет сом,
Над водою склонился дом.
В доме этом одно окно,
Смотрит дед из него давно,
Древний возраст скривил лицо.
Обветшало в избе крыльцо,
В коромысло истерт порог –
В дом впустил он немало ног.
И не заперт дверной замок,
Только выйти никто не смог...»*

Старик стоял на берегу и задумчиво смотрел на воду, покрытую желто-зелеными пятнами, зная, что прямо у его ног под неподвижной гладью на глубине носятся безумные вихри, затягивая все, что попадет: соринку, бревно, корову, человека. Омут – место страшное, хуже болота. Схватит и утянет в бездонную черную прорву любого, осмелившегося нарушить озерный покой. Закрутит, понесет, и поминай, как звали. Обратного пути нет. Омут ничего не отдаст. Все, что в утробу его попало, там и останется на веки вечные. Старик стоял и смотрел в непроглядную муть под ногами. Один шаг – и конец. Для любого, кроме него. Теперь он не боялся. Даже полюбил это прожорливое озерцо, став частью зла, таящегося в нем и вокруг.

В этот год вода в озере зацвела слишком рано, уже в конце весны. В суровом северном краю такое редкость. Еще в начале мая деревню душным одеялом накрыла жара, а с ней пришло и зловоние. Густой запах гниения стоял вокруг маленького, едва больше лужи, водоема, будто где-то на дне скрывался свежий могильник, и отпугивал все живое. Птицы облетали его окрестности стороной. Даже утки покинули облюбованные в камышах места. Но старик давно привык к запаху и почти не замечал его. Ведь жил он на самом краю нависшего над водой берега. Его избушка была намного старше своего хозяина, и он даже не знал, насколько. Но, несмотря на древний возраст, она совсем не обветшала. Толстые бревна были по-прежнему крепки, лишь почернели да в трещинах поросли мхом. Даже венец не прогнул от влажного озерного дыхания, хотя нависал прямо над водой. Предки старика, выстроившие дом на сыром берегу, знали, как сохранить древесину на века. Толковые были мастера. Жаль, что после старика жить здесь будет больше некому. И хотя на тот свет старик не собирался пока, однако рано или поздно избушка опустеет так же, как и два десятка домов вымершей деревни, расположенной позади. Все сгинули давно. Кто уехал в лучшие места, но большинство именно сгинули – по-другому не сказать. Люди исчезали постепенно, и все потому, что они не знали, как уберечься от зла, таящегося в этих местах. А старик знал, потому и жив остался. Знал, да никому не сказал, потому что клятву дал хранить секрет до смерти. А сказал бы – давно уж сгинул бы, как и остальные. В том секрете была его сила, его жизнь, могущество и власть. И нежити, наводнившей окрестности деревеньки, приходилось с ним считаться. Отчего-то много ее тут собралось, особенно в этой, с виду тихой, протухшей воде.

Нежить была здесь всюду. Он постоянно чувствовал на себе ее тяжелый взгляд, идущий из темной воды, из зарослей камыша, из дремучего леса. Нежить даже в избе его водилась, скрипела половицами по ночам, выла на чердаке, гремела горшками на печке. Часто ее было слышно, но увидеть непросто. Она ведь облика своего не имеет, в личинах ходит. Чем угодно может прикинуться: старой метлой в темном углу, например; тулупом, небрежно повешенным

на толстый ржавый гвоздь, вбитый в стену; любопытной сорокой, заглянувшей в мутное, столет не мытое оконце. Подбирается. Вокруг да около бродит. Пусть. Он знает секрет, потому она его не тронет.

Издалека, из недр дремучей чащи, донесся хруст сухих веток. Старик насторожился. Кто-то большой и сильный продирался сквозь кусты малины и шиповника. Неужто медведь? Звук приближался, и старик подумал: а не сходить ли в избу за ружьем? Пока гадал, с чего бы это лесному зверю вздумалось направиться к человеческому жилью, послышались голоса. Люди! Давненько они сюда не заходили. Даже почтальон из соседнего села попросил, чтоб старик сам за пенсией приходил. Боялся. Говорил, места тут гиблые, заболоченные, а он дорогу плохо знает. Эдак запросто в трясину угодить можно. Да еще говорил: «Слухи ходят, что в окрестных лесах нечистой силы развелось видимо-невидимо. Заморочит она, в дебри непролазные заведет. А об омуте болтают вовсе страшное, будто в нем водяной сидит, самый лютый черт из всей нечисти, жертву поджидает. Девушек молодых и красивых в жены берет, в подводное царство утягивает, а мужиков съедает, целиком проглатывает». Старик почтальону возражать не стал, согласился сам за деньгами раз в месяц являться. Все равно нужно было патронов докупить, да еще всякой мелочи – спичек, соли. А что касается нечисти, так он знал, что это не выдумки, а чистая правда. Еще когда мальцом был и в деревне люди жили, приходилось пешком в сельскую школу ходить. Шли толпой, держались вместе, но все равно было страшно. Тропинка вилась вдоль омута, и детвора мчалась бегом, чтобы поскорее миновать жуткое место. Тогда еще в избушке на берегу другой старик жил, все его как огня боялись. Был он странный, нелюдимый, неразговорчивый, а лицо его пугало кривизной: все перекошенное, будто он всем рожи корчил. Всегда стоял у своего черного дома и смотрел им вслед. Вот так же, как сам он теперь стоит, только смотреть ему не на кого. И старик тот помер давно, а он сам состарился, и теперь его от старого хозяина не отличить стало. Иногда казалось, что старик тот в его тело переселился. Даже отражение лица в ведре с водой во время утреннего умывания с каждым днем все больше искривлялось и перекашивалось, и он старался на себя не смотреть. Отражение пугало. Еще не хватало только самого себя начать бояться! И так всю жизнь в страхе прожил. Даже после того, как узнал секрет и стал неприкасаем, страх до конца не исчез. Слишком глубоко врос в него своими ветвистыми корнями.

Старик ждал, слушая нарастающий гомон. Вот уже и слова разобрать можно. Ругань и чертыханье. «А, зар-раза! Кругом колючки!» – прозвучал мужской бас. «Вот, блин, совсем штаны изодрал!» – тоже мужской, сиплый, будто простуженный. «Да кончится когда-нибудь этот проклятый лес?!» – женский, слезливый. «И где эта чертова деревня?! Может, карта врет?» – снова бас. «А может, мы заблудились?» – Женский, с истеричными нотками. Вскоре появились они сами. Четверо измотанных туристов, обливающихся потом и сгибающихся под тяжестью огромных походных рюкзаков, выбрались на берег омута из ивовых зарослей на расстоянии полусотни шагов от избушки.

– О, господи! Наконец-то человеческое жилье! – воскликнула высокая худая женщина в кепке с длинным козырьком. Старик принял бы ее за парня, если б не голос. Она заметила его и помахала ему рукой.

– Эй, дед! Привет!

Тот не ответил. Молча изучал появившихся. На первый взгляд они ему не понравились: шумные и дерзкие, глупые и злые. Хоть он и редко видел людей, однако за прожитые годы научился в них разбираться.

– Дед! Скажи, какая это деревня? Камышовка? – крикнул обладатель низкого баса – плотный краснолицый мужик с густой недельной щетиной.

– Мышеловка, – буркнул дед угрюмо. Наверное, тот услышал то, что хотел, потому что тут же радостно заорал:

– Пришли! Ох, блин, без ног остались, пока доковыляли! Ну и глухомань!

Шумная компания направилась к старику. Шли по краю оута, проваливаясь по щиколотку в зыбкую почву и сопровождая громкие чавкающие звуки ругательствами и проклятиями. Двое мужчин и две женщины. Молодые, не старше тридцати. Оба мужика упитанные, с круглыми животами. Сразу видно, работать не привыкли. А женщины – без слез не взглянешь – худющие, кожа да кости. Кому нужны такие? Поддержаться не за что. Одна и вовсе дылда, ростом с мужиков. Плечистая, руки-оглобли, ноги-ходули, да и на лицо дурна. Другая – пониже и с виду поприятней. Старик услышал ее испуганный шепот:

– Смотрите, дед прямо страшилище!

– Точно. Совсем рожа кривая, – ответил басовитый пузан, не заботясь о том, слышит ли его тот, о ком идет речь. А слышно было хорошо. Над водой звуки всегда громче. Но старик виду не подал. Невозмутимо ждал, пока туристы подойдут ближе.

– Здравствуйте, люди добрые! – приветствовал их так, как родители учили.

– И тебе не хворать, батя! Пить охота! Невтерпеж! Дай водицы, – тяжело выдохнул сиплый.

– Там колодец, позади избы. И ведро в нем. – Сарик кивнул в сторону колодца, и мужик направился за водой. Остальные встали перед ним. Басовитый, наверное, был за главного, потому что первый начал знакомиться:

– Я – Павел. – И протянул старику рыхлую потную ладонь. Тот нехотя пожал ее и ответил:

– Дед Кузьма меня зовите.

– А по отчеству?

– Без отчества сойдет. Все так зовут. Кузьма, и все.

– А я – Даша, – заявила одна из девиц, та, что помиловиднее.

– Я – Люда, – добавила долговязая, улыбаясь во весь рот, отчего стала совсем безобразной. «Просто дочка бабы Яги, – подумал старик с усмешкой. – Интересно, чья это жена – сиплого или басовитого?» Сам он хоть и не женился, но с женским полом по молодости дела имел и к такой близко бы не подошел.

Вернулся сиплый с ведром воды. Протянул его уродливой, и старик понял, что это и есть его жена. Интересно, чем она ему приглянулась?

Вчетвером выпили не меньше половины ведра. Потом басовитый – тот, что назвался Павлом, – вытер рот тыльной стороной ладони и фыркнул:

– Невкусная у тебя вода. Тиной воняет. Да, Колян?

– Ага, – согласился сиплый.

– Другой нет, – буркнул старик.

– Это из-за болота, – вмешалась долговязая Люда. У нее и голос был неприятный – низкий и надтреснутый. Она вынула из кармана брюк пачку сигарет, выудила одну и, чиркнув зажигалкой, выпустила сизое облако дыма, от которого у старика защипало в глазах и запершило в горле. Он закашлялся.

– Ой, извините! – Она замахала рукой, разгоняя пелену, повисшую в воздухе между ними. «Что за гадость у нее в сигаретах? – удивился дед. Как такое курить можно?» Другое дело – самосад. Терпкий, душистый. Раньше-то он тоже подымить любил. Самосад в соседнем селе очень хороший продавали. Вспомнилось, как с другими деревенскими мальчишками в лесу курили тайком корявые рассыпающиеся самокрутки. Да, давно дело было. И жизнь тогда была совсем другая. Жизнь просто была, не то что теперь.

– Эй, батя, то есть дед Кузьма! А где тут остановиться можно? Неохота в палатке ютиться. Знаешь, кто может в избу пустить недорого? – спросил Павел, тоже закурив. Дышать совсем неумоготу стало. Старик еле выдавил, кашляя:

– Теперь все избы бесплатно. Выбирайте, какая больше понравится. Где крыша не провалена и окна целы. Все теперь свободны.

– Это как? – удивился тот.

– Да не живет никто в деревне, пустая она. Я один остался.

– Во дела! – Павел присвистнул. – А куда ж все подевались?

– Да кто уехал, кто помер. – Старик неопределенно взмахнул рукой.

– А как же вы один-то? – участливо поинтересовалась миловидная Даша. Вежливая. На «вы» обратилась. – Вдруг случится что, и помочь некому. Сюда и «скорая помощь» не приедет: дороги совсем нет. Переселились бы в село соседнее.

– Кому я там нужен? – ответил старик, не скрывая раздражения. Любопытные туристы ему уже порядком надоели. – Мне и здесь хорошо. Живу, годам счет потерял, и ничего никогда не случается. Каждый день одинаковый. Только времена года меняются.

– Одно слово – абorigine, – произнес Колян и расхохотался. – Ну, молодец ты, батя, молодец! Крепкий, видать! Года тебя не берут. Ладно, спасибо за водопой! Пошли мы, посмотрим, где тут обосноваться можно.

– А зачем вы пожаловали-то? – спросил старик, спохватившись. Будто бы не знал! Ясно было, зачем. Спросил лишь для вида.

– Туристы мы. Отдых любим экстремальный. На природе, – ответил Колян и подмигнул остальным. – Точно я говорю?

Те заулыбались, закивали, а Павел добавил:

– Тесно в городах. Бетон и асфальт. Простора хочется. Зелени.

– Тут этого вдоволь, – кивнул старик и подумал: «Вот заливают! Природный отдых им нужен, как бы не так! Сокровища Кучумовские искать приперлись». Видал он таких. Они не первые. Приходят и рыскают, рыскают по лесам. Роют, металлоискателями землю щупают, а находят лишь смерть свою. И эти тоже не жилицы. День-другой, может, неделя, и все. Так всегда было и всегда будет. Сгинут, как все. Жаль только лес: нагадят ведь так, что месяц целый за ними убирать придется. В прошлый раз окурки и консервные банки повсюду валялись. А шума от них сколько! Одна головная боль, в общем. Ну, да ничего не поделаешь. Старик смотрел на их удаляющиеся спины, гадая, чей черед придет первым.

Четверо чужаков шагали меж двух рядов деревенских изб по единственной улице, заросшей бурьяном, и озирались. Наверное, уже почувствовали присутствие зла, хотя и не поняли, отчего им страшно стало. Наверное, и на одну ночь не остались бы, если б не клад. Вон лица как вытянулись, а глаза тревожно забегали! Боятся. Но не уйдут. Никто еще ни разу не ушел, и эти никуда не денутся. Нежить за зиму оголодала. В нынешнем году это первая партия. До осени еще много таких сюда явится. «Однако, пора», – подумал старик, глядя, как чужаки заходят в выбранную избу, пятую от края. Пусть пока устраиваются, отдыхают. А ему надо в село, на почту. Пенсию получить да письмецо новое отправить. До вечера успеет обернуться. Вечером-то самое интересное начнется.

Он зашел в дом, достал из тумбочки паспорт, бережно завернутый в полиэтиленовый мешок, и конверт, сунул все в охотничью сумку, перекинул через плечо ружье и вышел, оставив дверь незапертой. От кого запирать? И зачем? Брать у него нечего.

Широким уверенным шагом дед Кузьма направился по тропе, едва просматривавшейся в высокой траве. Ходили тут редко, а трава на влажной почве, да еще в жару, поднималась, как тесто на дрожжах, не по дням, а по часам. Вошел в сумрачный лес. Тот встретил его тишиной. Лишь ветки под ногами хрустели да сухая от жары трава шуршала об заскорузлые штаны. Никого. Ни одна птичка с ветки не вспорхнула. Мертвые места. Глухие. По обе стороны от тропинки – болото. Кто дороги не знает, в трясине увязнет, измотается. Вон и туристы пришли еле живые, в грязи по уши. Потому и не ходит в деревню никто, разве что по особому приглашению.

Шел долго, не меньше часа. Дорогу эту старик наизусть знал, с закрытыми глазами одолел бы опасный путь. С детства каждый день в школу с ребятами ходил. Длинной вереницей шли они гуськом. С каждым годом вереница становилась короче.

Но вот лес поредел и кончился, а вместе с ним кончилось и мертвое царство. Открылось просторное поле, колышущееся на ветру зелеными волнами и наполненное звуками жизни. После гробовой тишины черной чащи стрекот кузнечиков и жужжание пчел оглушали. Шума он не любил, раздражался от этого. Отвык. Старик пересек поле и вошел в редкую светлую рощу. Миновал опушку, заросшую тонкими осинками, и очутился среди белоствольных берез, свесивших к земле гибкие ветви в длинных сережках. Лес приветствовал его раскатыстым стуком дятлов. Звук похож на тот, когда горох из мешка на пол сыплется, только громче гораздо. Движение жизни было повсюду: лесные пичуги метались в ветвях, под ногами то и дело шмыгали мыши, прямо перед носом проскакал заяц, ныряя в высокой траве, в щеку врезался мчащийся куда-то жук, кое-где вздымались горы гудящих муравейников. Суета, одним словом. Никакого покоя. Когда вышел на пыльную дорогу, ведущую к селу, вздохнул с облегчением. Хорошо бы по пути никто не встретился. Его в селе все знали и не любили. Здоровались, пряча неодобрительные взгляды. А потом (он знал, хоть и не видел) ему вслед оглядывались и шептались за спиной. Он не слышал, что говорят, но смысл сказанного был ему известен. «Тот самый... Отшельник... С нечистой силой спутался... Черный колдун... Не смотрите ему в глаза... Самое главное – не смотрите ему в глаза!» Боялись его, и правильно делали.

Дошел до почтового отделения, располагавшегося в обычной избе, обозначенной вывеской. Внутри – духота. Все окна открыты, и жара льется в них вместе с солнцем и мухами. Две толстые тетеньки за стойкой, клюющие носами, встрепнулись от звука шагов, распахнули сонные глаза, уставились на него оторопело. Узнали.

– Здравствуйте! – воскликнула та, что с желтыми кудрями. – За пенсией пришли? Вы последний у нас остались, все уж получили давно.

– Мне торопиться некуда, – ответил старик и зашуршал целлофаном, вытаскивая замуколенный паспорт. – Вот!

Документ шлепнулся на облупленную стойку. Желтокудрая брезгливо взяла его двумя пальцами, будто боялась заразиться чем-нибудь. Другая, черноволосая, с растрепанным узлом на затылке, тут же отвернулась, сделав вид, что пишет что-то в журнале. Старик не видел, но знал, что она там рисует цветочки и сердечки, а сама боковым зрением следит за происходящим и тайком рассматривает старика. Ни одного движения не пропускает. Любопытная, как и все. Он сложил в целлофановый пакет выданные купюры и немного мелочи, туда же отправил паспорт, спрятав все в висевшую на боку брезентовую сумку. Взамен выудил из ее недр белый запечатанный конверт и протянул желтокудрой:

– Вот. Письмо возьмите.

– Опять внуку? – поинтересовалась та и, не дожидаясь ответа, прострекотала по-сорочьи нагло: – Что-то вы все шлете и шлете, а он в ответ не пишет. Может, адрес неверный указываете? Кажется, в прошлый раз другой адрес был. – Она изучала надпись на конверте. – Ну, так и есть. Здесь у вас улица Войкова, а в тот раз была Войковская.

– Все правильно указано, – буркнул дед, сдерживая раздражение. Вечно они суют нос не в свое дело! Надо было к чернявой подойти. Но откуда ему было знать, что желтокудрая название улицы вспомнит? Месяц назад письмо отправлял!

– А что фамилию внука-то не написали? – Она ткнула в пустую строчку лакированным ногтем. – А?

– Не помню я его фамилию. Забыл. Дочь замуж вышла, а фамилия до того заковыристая, что никак выучить не могу: не то Жульников, не то Журиков.

– Как же так? Письмо потеряться может. И улица неправильная, и фамилии нет, – тарыхтела желтокудрая, никак не желая отстать.

– Ничего, мне не трудно, еще напишу, – ответил старик и послал ей гневный взгляд. До нее наконец-то дошло. Она сникла, отложила конверт, пожала пухлым плечом и вяло произнесла:

– Да пишите сколько угодно! Может, вам ответы вообще не нужны... Мне-то какое дело!

«Вот так-то лучше! – подумал старик. – И правда, не ее дело. Нечего вопросы дурацкие задавать. Пусть письмо отправит, а кому оно предназначено, ее не касается». Не прощаясь, повернулся и ушел с почты. Почувствовал, как обе уставились на него через окно. «Нет, ты видела его рожу? Пугало огородное краше... А глаза его какие... Жуть... Как у мертвяка... Холодные и пустые!» – это шептала желтокудрая. Старик не видел, но знал, что ее потные от жары подмышки вспотели еще сильнее, и на белой рубашке выступили темные круги, а кожа покрылась мурашками, будто от холода. «Зачем ты смотрела ему в глаза? Говорят же, что нельзя... Все это знают... Теперь по ночам будет тебе в кошмарах сниться. Так и помереть во сне можно. Кондрашка хватит, и не проснешься», – отвечала черноволосая. Ей вдруг нестерпимо захотелось в туалет. «Не каркай!» – испугалась желтокудрая.

«Правильно испугалась», – подумал старик, направляясь в охотничий магазин за патронами. Он знал, что тетки с почты обязательно откроют и прочтут его письмо. Пусть. Они все равно ничего не поймут, потому что тупые. Посмеются, запечатают обратно и отправят по адресу. Он не видел, что как раз в этот момент желтокудрая разворачивала сложенный вчетверо листок, пожелтевший до горчичного цвета, – тот, что вырван был из старой школьной тетради, которая была всего на десять лет моложе старика. От любопытства и волнения тетка закусилась нижней губой. Когда открылись кривые буквы текста, начала читать вслух:

– «Здравствуй внучек! Давно не видел тебя, очень скучаю. Приезжай скорее, ведь наступило лето. Ясно. Зной. Невмоготу. Аритмия. Юность где? Давно еле корячусь. Лечусь атварами». – На этом месте она рассмеялась: – Неграмотный, пишет «атварами», а надо «отварами». Ну-ка, что там дальше? «Думаю когда уже что ли умру. Маленько асталося», – фыркнула и повторила последнее слово. – «Асталося»! Мог уж попросить кого-нибудь на ошибки проверить.

– Думаешь, внук читать будет? – усмехнулась черноволосая. – Видишь, сколько писем старик отправил, а ни одного ответа ни разу не пришло. Забыли его давно родственнички.

– А мне его не жалко. Я б такого деда тоже забыла. Рожа, как из фильма ужасов, грязный весь, тиной воняет, а глаза злые-презлые.

– Ладно тебе. – Черноволосая забрала у желтокудрой листок и аккуратно сложила его обратно в конверт. – Хоть и страшный, а тоже человек. Жалуется, что здоровья нет. Наверное, чувствует, что помрет скоро, хочет внука повидать.

– Да он уж который год чувствует! – возразила та с презрением в голосе. – Я все его письма читала. Ты тогда еще здесь не работала. То же самое было написано. Всегда пишет одно и то же. Наверное, слов других не знает.

– Все равно. Жалко его. Живет один-одинешенек в страшном дремучем лесу у болота.

– А кто ему виноват? Мог бы в наше село перебраться, – возразила желтокудрая.

– И на какие шиши он избу выстроит? Это ж деньги надо платить. Бесплатно никто над- рываться не станет.

– Ну, к властям бы обратился. Вон, в администрацию, к Петру Василичу.

– Да, Петр Василич сидит и ждет, когда ж к нему дед Кузьма за помощью явится! Дура ты!

– Сама ты дура!

– И письма чужие читать некрасиво.

– Еще у тебя спрашивать стану!

Потом до конца дня женщины будут дуться и демонстративно молчать, но на другой день снова начнут распивать вместе утренний кофе и сплетничать о своих мужьях-козлах и о соседях-идиотах. И хотя это еще не произошло, старик знал, что так будет, как если б увидел своими глазами.

Продавец в магазине тоже был любопытный.

– Дед Кузьма, а чего вы собаку не заведете? Какая без нее охота? У меня Найда как раз оценилась. Возьмите одного. Даром отдам.

– Не возьму, – отмахнулся старик. – Помру вдруг, а пес на кого останется? Привык один. Сам справляюсь.

– Кто ж вам дичь приносит?

Он не ответил. Вопросы, одни вопросы. Как же они ему надоели! Отсчитал требуемую сумму, забрал патроны и молча вышел из лавки. Продавец, рыжий бородатый мужик, озадаченно смотрел ему вслед. Старик знал, что тот думал, глядя ему в спину. «Ага, охотится он, как же! Упыри в еде не нуждаются. Нечисть он самая что ни на есть. К душам людским подбирается». Смотри-ка, чувствует его, стариковское, темное нутро. Все они чувствуют, так же, как собаки чувствуют волка. Или чужака.

Старушка в бакалейной лавке едва не померла, когда старик вошел туда. Сердце ее вначале замерло, а потом затрепетало, заметалось, как пойманная курица. Она трясущимися руками выложила ему соль, спички и свечи, то и дело роняя товар на пол. И думала при этом: «Страшный... Какой страшный... Сколько вижу, а никак не привыкну... Уж почудилось, что смерть за мной пришла... Господи, сохрани...».

Старик пошел в обратный путь, мечтая больше никого не видеть. Но у самой околицы стояла женщина – старая, наверное, за шестьдесят ей уже было, но крепкая, статная. Алевтина. Он знал ее давно и ненавидел. Если все остальные жители села его лишь раздражали, то эта приводила его в бешенство. Когда остальные прятали глаза и отворачивались, эта смотрела прямо в упор. Вот и теперь встала, руки в крутые бока уперла и таращится. От взгляда ее старику дышать трудно стало. Поскорей бы мимо пройти. Но не тут-то было. Ноги вдруг ватными сделались, сила из них ушла, зашаркали по дорожной пыли. В глазах поплыло все. Зашатался, точно пьяный. Не упасть бы перед ней всем на посмеище. Собрал всю силу, напрягся. Трудно идти, будто телегу груженую тянет. От взгляда ее кожу жжет, как от крапивы. Ничего, еще немного осталось. Шаг, другой... Уф! Миновал бабку, и полегчало сразу. Отошел подальше, и отпустило совсем. Хотя и знал, что она по-прежнему на него смотрит. Приступ жгучей ненависти накатил вновь. Убил бы, если б мог! Да только с ней ему не справиться. Слишком много в этой бабке света. Не одолеть.

Заспешил, согнувшись, к своему темному лесу с таким чувством, будто получил хорошего пинка под зад. Не ходил бы в село, если б не письма. Даже пенсия ему была без надобности. И без свечей прожить мог, и без спичек. В темноте видел лучше, чем кот. И патроны покупал так, для отвода глаз. А то судачат ведь: «Интересно, что он там ест, в своем лесу? Чем питается?» Узнали бы – понос бы от ужаса прохватил.

Только оказавшись в привычном сумраке и вдохнув всеми своими усохшими легкими прелую душную сырость, он успокоился. Подумал о чужаках. Что, интересно, они там делают? Завалились спать? Пошли искупаться в омуте? Или, может, уже вломились в его избушку в поисках самогона? Скорее всего, последнее. Он приготовил для них то, что им нужно. Десять литровых бутылок с мутной жидкостью. Пусть отведают «волшебный напиток». Он им понравится. Всем всегда нравится. А потом начнется самое интересное.

Когда осталась пара сотен шагов до дома, старик почувствовал, что у него гости – те самые, чужаки. Шустрые, не стали откладывать в долгий ящик. Последние, те, что появились поздней осенью прошлого года, почти неделю ходили вокруг да около. Ну что ж, чем скорее, тем лучше. Веселье начинается.

В избе пахло самогоном и тушенкой. Двое непрошенных гостей, Павел и Колян, расположились рядом с печкой на перевернутых старых ведрах. Увидев хозяина, шумно загалдели:

– Здорово, батя! Заждались мы тебя!

– Присаживайся, выпей с нами. Знатный у тебя напиток, просто огонь!

– Извини, что без приглашения. Мы подумали, ты не обидишься.

Оба были пьяны. Старик покосился на валявшуюся на полу пустую бутылку. Вторая, початая, стояла у ног Павла.

– Ты того, правда, извини. – Он поднял ее и, плеснув в стакан, протянул старику. – Вот, выпьем за знакомство. – Увидев, что тот отрицательно качнул головой, выпил сам, залпом. Вытер рот, налил снова и отдал стакан Колян. Продолжил, обращаясь к старику: – Похолодало что-то к вечеру. Днем жара такая стояла, просто жечь, а теперь вот зябко стало. Очень кстати горилка твоя оказалась.

– А что вдвоем, без баб? – поинтересовался старик.

– Мы женщин своих в избе оставили, пусть порядок наводят. Пришли к тебе поговорить. Ждали долго. Немного выпили. Ты же не против? У тебя вон много еще. – Непрошенный гость кивнул в сторону ряда из бутылок под столом. – Сам гнал? Хорош, нет слов!

– Пейте на здоровье, – проскрипел старик, устраиваясь на табурете у стола.

– А мы не просто так пришли. По делу. Смотри, чего у меня есть, батя. – При этих словах Павел вынул из-за пазухи мятый листок желтой бумаги. – Письмо. Из Камышовки от деда Кузьмы. Ты написал?

Старик взял протянутый листок, исписанный каракулями. Оно. Значит, сработало.

Павел продолжал допрос:

– Так твое, что ли, письмо?

Тот кивнул, ответил с притворным удивлением:

– Только не пойму, как оно к вам попало. Я внуку писал.

– Ты, похоже, дед, адрес перепутал. Письмо ко мне пришло. Я прямо переживал, думал, ну как же, дед больной внуку написал, а тот не знает. Вот, отыскал тебя, чтобы сказать, чтоб ты ответа от внука не ждал. Не приедет он, потому что не получал письмо твое.

– Ну, спасибо, добрый человек! – Руки у старика задрожали, но не от избытка чувств, а от напряжения. Он приготовился. И мысли не допускал о благих намерениях сидевших напротив мужиков. Интересно, долго они еще будут тянуть резину?

– Так что, батя, ты с адресом в следующий раз повнимательнее. А то пришлось переться с твоим письмом в такую глухомань! – вступил в беседу Колян, и язык у него здорово заплетался.

– Вы же сказали, на природу приехали, на простор, – напомнил старик.

– Это верно. Природу мы любим. Только вот, если б не твое письмецо, могли б и поближе место для отдыха найти, – возразил Павел. И вдруг упер руки в колени, нагнул голову, как бык, приготовившийся боднуть, и выдохнул с жаром: – Ну, рассказывай, батя, где клад Кучума зарыт?

– Чего? – Старик непонимающе вскинул голову, будто не ждал этого вопроса. – Какой клад? Какого Чума?

– Смотри, батя, лучше не юли! – Голос Павла, и без того низкий, перешел в глухое звериное рычание. – Скажешь сам – поживешь еще на свете, а если придется из тебя правду кулаками выбивать, долго не протянешь потом. Кулаки мои тяжелые. Врать не советую.

Он встал, подошел к старику и навис над ним, ткнув грязным толстым пальцем, измазанным в чем-то жирном, в лежащий на столе листок.

– Вот! Сам же написал: «Я знаю, где клад Кучума».

Старик уткнулся в текст:

– Где ж такое?

– Не дури! Я сразу понял, что сообщение зашифрованное. Вначале-то прочитал и выбросить хотел. Еще подумал, бредит старик, пишет абракадабру. Особенно те слова, что звездочками отмечены. Вот эти: «Ясно. Зной. Невмоготу. Аритмия. Юность где? Давно еле корячусь. Лечусь атварами. Думаю когда уже чтоли умру. Маленько асталося». Ишь, какой хитрец! Сразу-то и не поймешь, что тут совсем другое написано!

– Что ж написано? – спросил старик.

– Ой, брось! Не валяй дурака! – Павел понемногу свирепел. – Я взял только первые буквы от каждого слова, что ты звездочками пометил. У меня получилось: «я знаю, где клад Кучума». Вот что ты хотел внуку сообщить! Наверное, чуешь смерть скорую и решил тайной поделиться, чтоб в могилу с собой не унести. А раньше-то молчал, потому что жадничал. Так или нет?

– Ничего такого я там не шифровал, – сказал старик тихо и приготовился. Реакция раскрасневшегося от самогона здоровяка последовала сразу. Он сгреб в кулак клочок старикинской бороды и дернул так, что подбородок деда стукнулся об стол.

– Говори, где клад, не то последние зубы шас выплюнешь!

– Ой, больно! – взвизгнул старик, схватив Павла за запястье обеими руками. – Пусти, вырвешь ведь!

– Вырву! И бороду вырву, и зубы выбью! Говори, где клад, ты, прогнивший пень! Тебе-то все одно, помирать скоро. Не унесешь на тот свет сокровища! Скажи, и отпустим с миром!

– Дык не ведаю, о чем толкуешь, – проскулил старик и зажмурился от звонкой оплеухи, прилетевшей тут же.

– А ну, не бреши! – взревел Павел и поднял худое старикинское тело за воротник. Потряс его и отпустил, отчего тот кубарем полетел под стол, застучав всеми костями о половицы.

– Э, поосторожней! – раздался испуганный сиплый голос Коляна. – Еще помрет вдруг.

– А ты отсидеться у печки решил, что ли? – прорычал в ответ Павел. – Помогай, давай! Клад пополам делить будем, или ты от своей доли отказываешься? Возьми вон кочергу рядом с заслонкой и пройдишь ему по хребтине. Он нам просто так не скажет ничего. Будем пытаться, как партизана. Что?! Боишься замараться? Решил, я все один сделаю?

Колян вскочил, опрокинув ведро, взял кочергу, шагнул и с размаху ткнул ею под стол, где лежал старик. Тот охнул. Острый угол пришелся как раз под ребра. Неприятно, но ничего не поделаешь. Придется потерпеть. Да ему не привыкать. Первый раз, что ли? Пусть гости позабавятся. А потом его черед придет. Долго он этого ждал. Всю бесконечную тоскливую зиму. Скоро уже, скоро.

Нескучная ночь

*«Стоит на отшибе избушка,
Там в самом разгаре пирушка.
Льют без раздумий пьянчужки
Пойло хозяйское в кружки.
Плещется чертово зелье,
Нынче у бесов веселье:
Чудят над гостями, лукавят,
В живых никого не оставят».*

Павел и Колян старались изо всех сил. Пинали, мутузили, трясли, колошматили стариковское тело, похожее на полупустой мешок с навозом, гоняя его, скрюченное, по полу. С каждым глотком самогона задор прибывал. Им было так весело, что они даже про клад позабыли. Лишь когда, упившись совсем, свалились рядом, Колян пробубнил, еле ворочая языком:

– Кажись, сдох дед.

– Ты ду-ума-аешь? – протянул в ответ Павел, тщетно пытаясь сфокусировать взгляд. Желтый фонарь под потолком расплывался и походил на солнце, сияющее в ночи. Больше увидеть ничего не удавалось. – Да и х-хрен с ним!

Он в изнеможении закрыл глаза, чувствуя, как пол, на котором он лежит, раскачивается, точно плот в море, и вот-вот перевернется. Вдруг пронзительный женский визг заставил его вновь поднять свинцовые веки. Над ним в круге света маячило лицо Даши. Она что-то кричала ему, и где-то вдалеке ей вторил голос Люды. Что им надо? Чего привязались? Он больше не может ни говорить, ни шевелиться. Павел пытался послать их к черту, но вместо этого из его рта вырвалось лишь мычание.

– Убили! Убили! – Наконец, до него дошло, о чем они орут. А затем он услышал сквозь пелену голос Коляна: «Идите на хрен» и провалился в забытие.

Даша поняла, что мужики в глубокой отключке и от них ничего не добьешься. Но что же произошло? Неужели это они убили старика? За что?! Она с ужасом рассматривала тело на полу. Лицо старика опухло так, что он стал похож на китайца. Под узкими черточками глаз налились багровые кровоподтеки. Струйка крови, успевшая подсохнуть и потемнеть, тянулась от свернутого набок носа к подбородку, укрытому редкой бородашкой, превратившейся в мокрый, пропитанный кровью комок.

Продолжавшая орать Люда мешала думать, и она резко дернула ее за руку:

– А ну, хватит! Твои вопли нам не помогут!

Та замолчала и начала всхлипывать. Ее трясло. Даша подняла стоявшую на полу начатую бутылку с самогоном, удивившись, как та уцелела и даже не опрокинулась, и сунула горлышко под нос подруге:

– Выпей.

– Фу, вонь какая! Что это?

– Спиртное, судя по запаху. – Даша отхлебнула сама, зажала рот рукой, чтоб не выплюнуть все обратно, и снова протянула бутылку Людке. Та взяла и тоже сделала глоток.

– Ого! – выдохнула тут же с перекошенным лицом. – Там что, сто градусов?

– Зато сейчас полегчает.

Даша шагнула к столу и бессильно опустилась на стоявший рядом табурет. Второго не было, и Людка села на перевернутое ведро, придвинув его поближе к Даше. Они молча выпили около половины бутылки, глотая по очереди, прежде чем смогли разговаривать.

– Что делать теперь? – начала первой Людка, немного успокоившись и осмелев от самогона. – В тюрьму вместе с ними пойдем? – Она мотнула головой в сторону храпящих на полу мужиков.

– Никто не пойдет в тюрьму, – произнесла Даша медленно. – Никто ничего не видел и не слышал. Вокруг нет никого – ни соседей, ни прохожих. Никто об этом не узнает.

– Да? Думаешь, никто? – спросила та с надеждой.

– Если сами не проболтаемся, все будет нормально. – Даша решительно кивнула. – Старика искать не скоро начнут. Может, вообще не начнут.

– Что же мы, просто уйдем? А его куда? – Люда с опаской взглянула на труп старика.

– Спрятать надо. Вот мужики очухаются, за избушкой его закопают.

– Слушай, может, лучше все так оставить? Подумай сама: кто-то когда-то все равно к нему наведается. Найдет труп, подумает, что сам помер. Упал от сердечного приступа, например, и убили. К тому времени он сгниет уже.

– А вдруг слишком скоро найдут, а он весь избитый? Нет уж, так нельзя оставлять, – возразила Даша, отхлебывая самогон. В бутылке оставалось не больше четверти.

– Зато, если найдут его, закопанного в землю, тогда вопросы возникнут: – а кто его хоронил, если он один живет, и вокруг ни души? И почему нет ни гроба, ни креста? Поймут, что тело прятали, тревожно прошептала Люда и глотнула еще горячительного.

– Да кто его в земле-то найдет? – фыркнула Даша.

– Мало ли...

– Не найдет. Поглубже закопают.

– Может, лучше его в озеро бросить, а? – оживилась вдруг Люда, осененная, как ей казалось, блестящей идеей. – Тут от входной двери три шага сделать. Бульк – и нет его! И копать не нужно. Уж там его точно не найдут. Сомы сожрут, и никаких следов не останется.

– А что, идея неплохая! – Даша перевела взгляд на тело хозяина дома. – Жаль, камня нет, чтоб на шею повесить.

– О, смотри, вон топор в углу. Давай снимем с топорщица и привяжем за веревку, – предложила Люда.

– Одного топора может быть мало.

– Щас, погоди, поищу. – Люда встала и пошла за топором, перешагивая через лежащих и при этом высоко вскидывая длинные угловатые ноги. Вернулась с топором и огромным молотком.

– Этого должно хватить. Молоток нашла. Тяжеленный!

– Ничего себе! Да это кувалда! Теперь веревку надо какую-то. – Даша наступила ногой на лезвие и сдернула с топора топорщице, которое так усохло, что соскочило без труда. Потом то же проделала и с молотком. Люда в это время срезала ножом веревку, натянутую под потолком, наверное, для сушки одежды, хотя странно было думать, что грязный, вонючий старик когда-нибудь ее стирал. Вместе они соорудили два груза.

– Пойдет, – решила Даша, взвесив их в руке. – Всплыть не должен. Мужики проснутся и утопят.

– Слушай, а давай сами? – предложила осмелевшая Люда. Хмель растекся по жилам, вытеснив страх.

– Еще чего не хватало – тяжесть такую таскать! – возмутилась Даша. – Кто уколошил, тот пусть и таскает!

– Да, но я не могу уже на него смотреть, – возразила долговязая. – Лучше убрать тело отсюда поскорее, а потом можно и расслабиться, да еще самогоночки выпить! Хорошо ведь сидим? А будет еще лучше!

– Ну, не знаю. Может, ты и права. Мне тоже неприятно, что мертвяк в избе лежит. Все настроение портит. – Даша снова взглянула на тело, оценивая вес. Не такой уж он и тяжелый,

должно быть. Вон, высох весь, одни кости под одеждой торчат. Поди, весит не больше гуся. Хотя она и не знала, сколько весят обычно средние гуси, но почему-то именно такое сравнение пришло ей на ум при виде скрюченного стариковского тела. – Давай попробуем.

Вдвоем они легко подняли его, будто то был старый матрас, и понесли к двери. Люда, пятясь, наступила на руку спящего мужа, и Колян выдал во сне длинную нечленораздельную тираду, в которой угадывались нецензурные слова. Она раздраженно лягнула его ногой и проворчала:

– Нагадил, скотина, убирают за ним, а он еще недовольный! И так всю жизнь! И где были мои глаза, когда замуж выходила? Ведь паинькой прикидывался!

– И мой – скотина, – пропыхтела Даша, волоча ноги деда. – Разведусь после этого. Не хочу с убийцей жить. Вечно буду этот кошмар вспоминать. Хорошо, хоть детей не завели.

– Точно.

Снаружи было холодно. Даже выпитый самогон не согревал.

– Такое впечатление, что минус пять где-то, – стуча зубами, прошипела Даша, уже надевая грузы на труп, брошенный ими на траву у края обрывистого берега.

– Май все-таки. И север, хоть и не крайний. – Людка топталась рядом, наблюдая за манипуляциями Даши. Затем вместе они столкнули тело, и оно с глухим всплеском ушло под воду.

– Ну, все. – Даша потерла руки, будто не труп утопила, а пирог в духовку поставила и была довольна, что управилась. – Подан поздний ужин для сомов!

Они еще с минуту постояли, глядя, как успокаивается рябь на поверхности омута в свете луны. Царила мертвая тишина. Было странно, что даже лягушки не квакали.

– Интересно, здесь глубоко? – шепотом сказала Людка, сцепив руки перед собой.

– Да ладно! Вода такая мутная, что сверху все равно не видно. Никто его не найдет. Пошли уже, холодно как! – Даша потянула ее за полу куртки. – Давай. Хочу еще выпить. А бутылок в доме полно, я видела. Помянем усопшего.

Они вернулись в дом. Странно, теплее им не стало. Казалось, когда уходили, пар изо рта в избе не шел. А теперь при каждом слове перед лицом возникало мутное облачко. Пальцы заledenели и с трудом удерживали бутылку с самогоном, хотя в ней его осталось совсем мало. Даша сделала глоток и тут же выплюнула все на пол:

– Ф-ф-фу-у-у! Что это?! – Она поднесла бутылку к глазам, рассматривая содержимое, и вдруг брезгливо отбросила ее от себя. – Там головастики! Гадость какая! Бе-е! – Она высунула язык, собираясь изрыгнуть выпитое, но у нее ничего не вышло.

– Что случилось? – не поняла Людка. Подняла катающуюся по полу бутылку, понюхала горлышко и скривилась: – Боже! Тиной воняет, как из озера!

– Вот кто это сделал? – Даша с подозрением глянула на храпящих мужиков. – Вылили остатки самогона, налили протухшей воды, которую неизвестно где достали, потому что из дома не выходили, и снова легли на пол спать? Так, что ли? Просто невероятно! А другого объяснения нет. Ведь мы только что пили из этой бутылки, и там был ядреный самогон! Вышли на десять минут, вернулись, и вместо него – тухлятина! Что за чертовщина?

Пока Даша разорялась, Люда нырнула под стол и извлекла новую бутылку, наполненную мутной жидкостью, даже отдаленно не похожей на самогон. Зеленый налет, украшавший дно и стенки сосуда, свидетельствовал о том, что внутри – старая вода, долго простоявшая на свету или зачерпнутая из озера. Женщина удивленно отставила ее в сторону и полезла за другой, но та оказалась такой же зеленоватой. Люда, не сдаваясь, вытащила следующую, но и та отличалась изумрудным оттенком. Она перебрала все бутылки, а Даша откупоривала их, нюхала и морщилась.

– Что за бред?! Что тут происходит? – бормотала она, качая головой. Убедившись, что самогона больше нет, обе сели у стола и загрустили. Поминки отменялись.

– Слушай, может, правда, наши мужики весь самогон в бидон какой-нибудь слили, пока нас не было. Сейчас встанут и начнут над нами ржать. А? Разыграть решили? Ну не может быть этого, я до сих пор еще пьяная, не от воды же! – Даша все никак не могла поверить в случившееся.

Люда подошла к мужу, присела на корточки, потрясла за плечо.

– Ну, пошутили, и хватит. Вставайте уже! – сказала она, повернувшись к Даше и покачала головой. – В ауте полном. Даже веки не дрогнули.

– Тогда кто? Кто это сделал? – шептала Даша, схватившись рукой за лоб. – Или мы обе чокнулись, или же здесь происходит нечто сверхъестественное. И, знаешь, если уж выбирать, я бы лучше чокнулась.

– Ладно, успокойся. Давай печку затопим, а то меня трясет. Дубак-то какой! Вообще! – Люда поискала глазами дрова и вдруг испуганно вскрикнула, выставив руку в сторону:

– Там!... Из-за печки кто-то выглянул!

– Да ну, показалось, – ответила Даша, но напряглась, уставилась в указанном направлении. Ничего особенного, черная бревенчатая стена и старый тулуп, висящий на гвозде.

– Я видела, видела, – шептала Людка, не отрывая глаз от угла печки. – Что-то страшное такое, черное, лохматое, и глаза красные!

– Да брось, пугаешь меня! – взвизгнула Даша. – Ты специально, да? И так хватает на сегодня ужасов. Показалось тебе.

– Но я, правда, видела. Там есть кто-то... Пойдем вместе, посмотрим?

– И с места не сдвинусь, пока утро не наступит! – Даша опустилась на скрипучий табурет. Она уже не шевелилась, но скрип почему-то продолжался, и раздавался он уже не из-под нее, а от входной двери, что была справа неподалеку.

– Ты слышала? – нервно спросила она, когда скрип прекратился.

– Что? – не поняла та, продолжая таращиться на печку.

– Дверь скрипела. Будто ее кто-то открыть пытался.

– Да ну? Может, ветер? – Обезумевший взгляд Людки метнулся к входу.

– Нет, она плотно закрывается. И тяжелая, – пробормотала Даша, бледнея.

– Тогда кто? – Долговязая подруга встала и шагнула вперед.

– Посмотреть хочешь? – Даша тоже встала. Обе вздрогнули от скрипа табурета, но дверь, которую они сверлили взглядами, осталась неподвижной.

– Мапочки, как страшно-то! – Людка сделала еще один шаг. – Мне кажется, там стоит кто-то.

– Где? – От напряжения глаза Даши заболели.

– Там. – Людка опять вытянула длинную, как жердь, худую руку. – Там, за дверью. На крыльце.

– С ума сошла! Ты же не можешь сквозь дверь видеть? – зашипела на нее Даша. – Нарочно пугаешь, издеваешься!

– Я слышу, как он сопит прямо за дверью.

– Ну, все, надоело! – Даша решительно пнула незапертую дверь, и та распахнулась настежь под заунывный вой ржавых петель. Никого. Черный проем был пуст, но на кривых рассохшихся досках старого крыльца темнело мокрое пятно, покрываясь на глазах ледяной коркой. Обе одновременно взвизгнули и отскочили в глубь комнаты.

– Видела? – воскликнула Люда, вцепившись в Дашину руку. – Стоял! Там кто-то стоял!

Дверь все еще покачивалась, издавая леденящий душу скрип.

– Почему доски мокрые? – Даша сверлила взглядом темноту, скованная ужасом. – Не мог же старик из озера выбраться! Он был мертвый, совсем мертвый... – бормотала она. – Но кто тогда?

Ветер ворвался внутрь вместе с мелкими колючими снежинками. Но о том, чтобы выйти на крыльцо, достать ручку и закрыть дверь, невозможно было и думать. Обе стояли, трясаясь от страха и студеного ветра, задувавшего с улицы, не смея шелохнуться.

Колян вынырнул из забытья и почувствовал, что замерзает. Щеки и пальцы рук щипало от мороза. Было тихо. Под потолком тускло мигал фонарь, раскачиваясь от ветра. Вокруг метались снежные хлопья. «Что такое, зима, что ли?» – удивился он и задумался о том, где находится. С трудом вспомнил, что вместе с Павлом пришли к старику, про клад хотели разузнать. Самогон пили, пока ждали. Повернул голову, увидел спящего рядом друга. Одежду его снегом припорошило. Откуда снегу взяться в мае? Ведь май же на дворе, он вспомнил это. Посмотрел в сторону двери и оторопел. Подумал даже, что спит еще на самом деле, ведь не может наяву быть такого. Или горячка белая началась? Точно, пить меньше надо. Такие уродины только в пьяном бреду привидеться могут. Жуткие страхолюдины, будто из фильма ужасов выбрались. Встали у двери, не шевелятся. Длинные волосы висят сосульками, в них водоросли запутались. Лица зеленые, прогнившие. Глазищи мутные, белесые. Вместо губ – две кривые синие полоски, не рты, а шрамы. Кикиморы болотные самого тошнотворного вида. Интересно, что будет, если подойти к ним? Исчезнут или нет? Уверенный в том, что кикиморы не настоящие, Колян заворочался и поднялся на ноги. Те мгновенно взгляды с открытой двери на него переметнули и губами задвигали быстро-быстро, будто говорили что-то, но ни звука не издавали. Он шагнул к ним, шатаясь. Приметил кочергу, валявшуюся у стола. Очень кстати, сейчас она ему пригодится. Сон это или не сон, а кикимор из избы прогнать надо и дверь закрыть, чтоб снег не летел, да запереть покрепче, чтоб всякие мерзости больше внутрь пробраться не могли. Размахнулся кочергой, а те вдруг руками замахали, рты немые разинули. Не хотят уходить. Ну что ж, им же хуже будет. И всадил с размаху кочергу прямо в рожу одной. Она тут же на пол свалилась и скорчилась вся, задрыгалась. Другая выскочила наружу и умчалась в ночь. Колян подтолкнул к порогу ту, что кочергой огрел, но она руками в ноги его вцепилась, да больно так, будто клещами сдавила. Он пнул ее изо всех сил, та на крыльцо вылетела и кубарем по ступенькам скатилась на траву. Посмотрел – лежит, не шевелится. Другой не видать. Закрыв дверь и запер на засов. Так-то лучше. Обернулся и похолодел. Что за наваждение? Не успел кикимор прогнать, а тут черт рогатый откуда ни возьмись появился. Стоит посреди избы, шатается, лапы когтистые мохнатые к нему тянет. Страшный-то до чего! Рыло свиное на морде, черной шерстью покрытой. Рога на лбу торчат. Глаза горят, будто угли раскаленные. Ну и сон! Просто кошмар какой-то! Когда же он кончится? И Павел куда делся? Ведь в начале сна-то он был, спал на полу рядом с ним, а теперь исчез, нет его там. Что же с чертом-то делать? Идет на него, вот-вот схватит. Может, задушить вздумал? Нет, сон это или не сон, а бесу проклятому его не одолеть. Кочерга еще в руке. Хорошо, что не бросил. Взялся покрепче за рукоять да врезал с размаху прямо между рогов. Тот пошатнулся, но не упал. Еще врезал – не падает, мало ему. Но попятился. Колян пошел в наступление. Вдруг черт поймал кочергу да дернул на себя. Потеряв равновесие, Колян рухнул на пол, стукнувшись лбом так, что искры перед глазами взметнулись салютом. И провалился в темноту.

Даша в панике мчалась, не разбирая дороги. Колян сошел с ума. Людкино лицо с торчащей в глазнице кочергой стояло перед глазами. Надо было сразу удирать, как только увидели убитого старика. На что надеялись? Она всегда подозревала, что Людкин муж сумасшедший. Все время ее лупил. Зверел по пустякам, даже трезвый, а уж пьяный и подавно неумняемым становился, вот и уколошил. Господи, что делать-то? Куда бежать? Тьма непроглядная кругом, да еще метель поднялась, буря настоящая. Снег под ногами скрипит, вся земля усыпана. Даша помнила, что слева от избушки близко озеро. Не оступиться бы, не свалиться в воду. Остановилась оглядеться. Маленькое оконце светилось вдалеке. А больше ничего видно не было – лишь тьма да снежные хлопья. Слава Богу, сумасшедший Колян за ней не погнался. Людку-то как жалко! Но как ей помочь? Теперь ей, наверное, уже ничего не поможет. Вряд ли после

такой травмы выживет. А Павел? Там же Павел остался! Хоть бы Колян его не тронул. Не должен. Ведь тот спит на полу, внимания не привлекает. С сумасшедшими самое главное – внимания не привлекать. Но ей-то что делать? За ночь замерзнуть можно, холод-то какой! Идти некуда. Решила подождать. Бежать еще дальше страшно. В такой глуши и волки, наверное, водятся, да и заблудиться можно, ведь близко лес. А тут хоть свет из оконца виден. Отдышалась, в себя пришла немного. Мысли бег замедлили. Стала думать. Наверняка приступ Коляна долго не продлится. Скоро очухается и поймет, что натворил. К утру, должно быть. Там Павел проснется, пойдет ее искать. Главное – не замерзнуть насмерть. Одежда не очень теплая. Курточка спортивная, шапки нет. Хорошо хоть кроссовки не снимала, потому что в избе пол грязный был, а то босиком убежала бы. Шанс выжить есть, только надо двигаться. Даша поприседала, потом запрыгала. Снег хрустел под ногами. Надо же, аномалия какая: снег в мае! А днем жара стояла градусов под тридцать. Устала прыгать, остановилась. Снег продолжал скрипеть. Рядом совсем. От страха обмерла. Кто там? Шаги. Будто вокруг нее ходит кто-то, но кто, не видно в темноте.

– Здравствуй, девица! – донесся из снежной бури мужской голос. Даша попятилась, повернулась и бросилась наутек, подстегиваемая волнами страха.

– Зачем бежишь? – послышалось сзади. – Неужто я такой страшный?

Голос не злой. Насмешливый немного и ласковый. Приятный. Остановилась, оглянулась назад. И тут – странное дело – ветер вдруг стих, снежинки, роящиеся в воздухе, на землю осели, а в небе луна из-за туч вышла и залила все вокруг серебристым светом. Сразу все видно стало. Оказалось, стоит Даша на самом краю обрывистого берега озера, с другой стороны нависает стена густого леса, а впереди, вдали, человек какой-то. Идет к ней. Любопытно стало, кто же это все-таки. И страх прошел. Такой голос только у хорошего человека может быть, подумала Даша. Стояла и смотрела, как он приближается к ней. Высокий, статный, и вот уже видно, что молодой, не старше ее. Улыбается. А лицо какое! Таких красавцев она лишь в рекламных роликах видела. «Джилетт, лучше для мужчины нет!» – вспомнился известный слоган. Парень будто с экрана телевизора сошел – та же густая темная щетина, блестящие волосы красиво зачесаны назад, мускулистое тело, облаченное во что-то спортивное и модное светлого серого цвета – хорошо сочетается с его смуглой кожей и темным цветом волос.

– Кто вы? – крикнула она ему. – Откуда вы здесь?

– У меня машина в грязи застряла. Буксовал, пока бензин не кончился. По карте посмотрел, что деревня недалеко, да пошел помощи просить. Думал трактор найти. Проплутал по лесу несколько часов, боялся, что не выберусь. Вот, наконец-то вышел к деревне. Обрадовался, как свет в избе увидел издали, так и шел на него. А тут вы.

Радость нахлынула на Дашу. Счастье-то какое! Нормальный человек, не маньяк, не монстр. Просто ехал куда-то и застрял.

– Вы местная? – спросил парень, продолжая шагать к ней. Она почувствовала аромат его парфюма. Дорогой!

– Нет, мы днем приехали, мы туристы. Только трактор вы здесь вряд ли найдете. Деревня вымерла совсем. Все избы пустые. Один старик тут был, и тот... – Она вдруг прикусила язык, опомнившись. Пожалуй, о старике упоминать не стоит.

Парень остановился в двух шагах от нее. Улыбка его стала шире. Даша отметила, что зубы у него очень белые, прямо как свежий снег. Почувствовала симпатию и одновременно горечь. Ну почему ей-то достался такой никчемный мужик, как Павел? И это еще не худший экземпляр. По крайней мере, не такой буйный, как Колян. Почему ей ни разу в жизни такой принц не встретился?

– Зачем такая красавица одна ночью гуляет? – спросил незнакомец.

– Подышать вышла, – ответила Даша первое, что пришло в голову. Ну, а что еще можно было сказать? Не выкладывать же с ходу всю правду. Надо же, красавицей ее назвал! Павел, тот

ни разу не назвал. Но, может быть, она просто в темноте ему такой показалась? Не разглядел, как следует?

– Смотрю, замерзла совсем. – Он шагнул ближе и руки протянул, будто обнять собирался. Даша заметила, что пальцы у него все в грязи. Прямо капает грязь на снег.

– Вы руки испачкали, – пробормотала она, чувствуя растущую тревогу. Странно это все. Он будто не слышал, обхватил ее за плечи, вонзая острые ногти. В лицо смрадом дохнуло. Ни намека на ароматный парфюм, лишь вонь гнилого болота и тухлой рыбы. Даша инстинктивно отвернула лицо, и взгляд ее случайно упал на водную гладь. От увиденного отражения ноги ее подкосились, и она повисла на чужих руках, как безвольная кукла. То, что стояло перед ней, держа в объятиях, не было человеком. Нечто бесформенное, как оплывшая куча теста, нависало над ней, обволакивая по бокам. Уже через мгновение Даша больше ничего не могла видеть. Дыхание перехватило от недостатка воздуха. Тело обожгло ледяным холодом. Прежде чем потерять сознание, она почувствовала, как горячие слезы выплеснулись из глаз, и мелькнула мысль о матери, которая не дожидается ее возвращения домой.

Старик стоял на берегу омута и смотрел на воду, по которой разбегались круги, качая большую желтую луну. Вот и все. Хозяин омута будет доволен. На этот раз он угодил ему и с едой, и с женой. Не часто бывает такая удача. Понравилась ему белобрысая. К себе забрал. Ух, и страшен он! Сколько раз видел старик его безобразный облик, а никак не привыкнет. Сердце трепещет, тело в дрожь бросает. Хоть и знает, что тот не тронет его. По крайней мере, пока он его кормит.

Старик повернулся и пошел к крыльцу, где скрючилось тело долговязой. Взял за волосы, разметающиеся по траве, подтянул к краю нависшего над омутом берега и толкнул в воду. Вот и корм. Труп медленно скрылся в колышущейся тьме. Теперь пора и в избе прибраться.

Вошел в дом. Тихо. Хорошо. Наконец-то все закончилось. В этот раз совсем быстро. Насвинячили, конечно. Гостей старик не любил. Зато теперь еды надолго хватит – и ему, и хозяину, и прочей нежити. Он нагнулся и приподнял истертый тряпичный половичок, прикрывавший крышку люка с железным кольцом. Откинул его, открыв темный проем в полу. Одно за другим сбросил вниз два мужских тела. Там, внизу, прохладно, почти все лето иней с земляных стен не сходит. Долго пролежат, не испортятся. Старик почувствовал голод и усталость. Усталость была сильнее. Решил поспать, а после уж взяться за приготовление обеда. Давно он не хлебал горячего наваристого бульона. И мяса целую зиму не ел, все грибами сушеными перебивался да ягодами. Вот выпится и устроит себе пир.

Однако уснуть никак не получалось. Старик ворочался на скрипучей железной кровати, утрамбовывая сплюснутый за долгие годы затхлый грязный матрас, но сон не шел к нему. Воспоминания давно ушедших дней наполнили голову. Так было всегда после завершения очередного дела. Что это? Неужели его мучают угрызения совести? С тех пор, как он узнал секрет, все человеческие чувства в нем притупились. Он забыл, что такое жалость, любовь, радость, сочувствие и сожаление. Но почему-то каждый раз, когда все заканчивалось, в его памяти всплывал один и тот же день. Тогда ему было лет пятнадцать, а в деревне еще не было ни одного заброшенного дома. Поля вокруг Камышовки – небольшие, с трудом отвоеванные у лесов и болот островки земли – засевались рожью, овсом и пшеницей, а из соседнего села приезжали комбайны и тракторы по дороге, проложенной сквозь сосновый бор. Жизнь кипела в окрестностях все лето и замирала лишь с наступлением первых заморозков. Родители Кузьмы были многодетными, как и большинство семей в деревне. Помогать содержать хозяйство – корову, уток и свиней – приходилось с детства. Да еще за младшими присматривать, пока мать с отцом трудились в колхозе. Вся деревенская ребятня собиралась толпой, малыши и подростки вместе, чтобы пойти в лес по грибы-ягоды или в соседнее село, где находились школа и продуктовый магазин. Идти приходилось не меньше часа через дремучий лес по отсыпанной поверх болот дороге для сельскохозяйственной техники. Пока шли, кто-то обязательно рассказывал

какую-нибудь страшилку, нагоняя страху. И тогда от хрустнувшей поблизости ветки или внезапно раздавшегося за ближайшим кустом шороха все припускали бегом, оглушительно визжа. Казалось, что вот-вот на извилистую, покрытую рытвинами дорогу выйдет «черный дровосек» с окровавленным топором, выскочит на коне «всадник без головы», держа свою отрубленную голову в руке, или выступит из-за толстого кедра двухметровый леший, похожий на высохшее корявое дерево. Но испытанный в эти моменты страх не шел ни в какое сравнение с тем ужасом, который охватывал Кузьму, да и всех остальных, когда они проходили мимо избушки лесника, стоявшей на самом краю покрытого ряской омута. У крыльца всегда маячил костлявый силуэт. Даже издали было заметно, какое уродливое у старика лицо, похожее на высохшую кривую картофелину – такое же темное, бугристое, с наростом, лишь отдаленно напоминающим нос. Но ужаснее всего были его глаза – блестящие, глубоко спрятанные под нависшими бровями, круглые и сплошь черные, как у неясны. Кузьма всегда чувствовал спиной его взгляд. Знал, что тот смотрит. Знал, что нельзя смотреть в ответ. Родители и бабушка с дедушкой всегда предостерегали его: «Только не смотри ему в глаза. Что бы ни случилось, не смотри в глаза!»

О леснике в деревне ходила дурная молва. Поговаривали, что тот – настоящий черный колдун и служит нечистой силе. Может быть, потому, что он никогда ни с кем не общался. Считали, что он причастен к исчезновению людей. В деревне часто пропадали люди – каждое лето по три-четыре человека. Как ни искали их, даже костей не находили. Кузьма считал, что люди могли пропасть по разным причинам. Места вокруг болотистые, гиблые, а самогон и бражку в деревне любили многие. Спьяну-то немудрено в трясину угодить, или в омуте утонуть (родители говорили, что омут бездонный и запрещали ходить туда купаться), а можно и в волчьи зубы попасться. А что костей не находили, так разве их в лесу найдешь? Иголку в стоге сена и то отыскать проще. Валяются где-нибудь под кустом или в овраге, в высокой траве, обглоданные добела, высохшие. Так думал Кузьма, но в глубине души слухам верил – ведь говорят же, дыма без огня не бывает – и боялся старика, как и все остальные. Вот только проходя по тропинке вдоль омута и зная, как тот буравит его взглядом, он очень хотел оглянуться, будто неведомая сила пыталась заставить его сделать это, нарушить родительский запрет. Или это было любопытство? А, может, и желание пощекотать себе нервы. В общем, однажды Кузьма оглянулся. И хотя старик был далеко, он все равно почувствовал, что встретился с ним взглядом. И знал, что старик ему... подмигнул! С того дня жизнь Кузьмы круто изменилась.

Лада

*«Когда-то жила я
В зловещем краю.
Покинуть мечтая
Деревню свою,
Помчалась я, помню,
Сквозь вымерший лес,
Отправил погоню
Обманутый бес.
Спаслась я тропой
От алчущих стай,
А вместе со мною
Сбежал и мой край».*

– Расскажите нам про сокровища хана Кучума! – раздался требовательный голос с последней парты. Как всегда, Неупокоев пытался сорвать урок. Лада вздохнула, подумав в очередной раз, что некоторые фамилии появились неспроста, хотя его отец, директор этой школы, носил ту же фамилию и являл собой образец отлично воспитанного и уравновешенного человека. Но ему уже было под сорок. Возможно, в возрасте своего сына он тоже срывал уроки.

– Я еще не закончила с новой темой, – ответила она, пытаясь прибавить голосу строгости, но на самом деле не сердилась. Неупокоев удивлял ее своей любознательностью. В этом возрасте подростки обычно теряют интерес к знаниям, переключая внимание на противоположный пол. А еще они начинают курить, хамить и прогуливать уроки. Некоторые уже пробуют алкоголь. Тринадцать лет – непростой возраст. Еще год-два назад это были озорные наивные дети, а теперь они пытаются отстаивать свою независимость и самоутверждаются перед взрослыми и друг перед другом.

Боря Неупокоев был другим: учиться любил, новые темы впитывал с жадностью, вгрызался в учебу, как короед в древесину. Но интересно, с чего это он заинтересовался сокровищами Кучума именно сейчас, в мае, когда близились итоговые контрольные, а эту тему они прошли еще в прошлом году и изучать ее не требовалось.

– Ну, расскажите! Вы наверняка знаете об этом больше, чем написано в учебниках и в Интернете. Вы же преподаете историю! – Парень не унимался. – И сами говорили, что жили в детстве в той самой деревне, где зарыт клад!

– А ты что, собрался на его поиски? Разбогатеть хочешь? – насмешливо спросила Лада. Класс разразился дружным хохотом, но звонкий голос Леры Красавиной перекрыл его:

– Ты опоздал, Неупокоев! Сокровища давно найдены, а тот, кто их выкопал, никогда никому об этом не расскажет. По крайней мере, я бы точно не стала трепаться о таком.

– Красавина, знаешь ли ты, что нашедший клад обязан передать его государству? Это же историческая ценность, которая значит намного больше, чем материальная, – возразила Лада и постучала указкой по столу, призывая всех к порядку.

– Ну, расскажите еще раз ту историю, пожалуйста! – взвыл Неупокоев. – Про омут и поисковую экспедицию!

– Вот видишь, ты и сам все знаешь, зачем рассказывать? – ответила Лада.

– Да я уже забыл все!

– Да, расскажите, я вообще ничего такого не знаю, – добавил Саша Разгуляев, сосед Неупокоева по парте. Вот парочка! Неупокоев и Разгуляев, друг другу под стать.

– Ладно, вы же не отстанете, – сдалась Лада и погрузилась в воспоминания. – Я тогда была вашего возраста или чуть младше. Жила я с родителями в деревне Камышовка Седель-

никовского района. И главной достопримечательностью там был омут. С виду небольшой, но очень коварный и опасный водоем. Говорили, что в нем мощные водовороты, которые могут утянуть человека на дно. Или в бездонные пропасти, которых там во множестве.

– В которых прячется водяной, да? – выкрикнул Неупокоев. – Расскажите, как вы его увидели!

– Так тебе про водяного или про клад? – В голосе Лады слышалось раздражение.

– Ну, простите, Лада Николаевна. Молчу.

– Водяного я и в самом деле видела, но до сих пор не уверена, что это мне не показалось. Шла я однажды с другими деревенскими детьми в соседнее село, в школу. Как раз был май, как сейчас. Жара стояла невозможная. Учиться совсем не хотелось. Решили мы искупаться в том омуте, хотя родители нам это строго-настроено запрещали. Но мы сразу договорились, что только у берега поплещемся, чтобы на глубину никто не заплывал. Залезли в воду прямо в сарафанах. Порезвились с полчаса да стали выбираться. И тут одна девочка как закричит дурным голосом: «Меня кто-то за ногу схватил! Помогите! На дно тянет!» Подумали вначале, что шутит она или из мальчишек кто-то нырнул, напугать решил. Но нет, все наши были рядом. Стали за руки ее вытаскивать, но ничего у нас не выходило. Девочку тянуло на дно, и она уже начала захлебываться. Тогда я решила нырнуть, посмотреть, что ж там такое. Может, зацепилась за что-то платьем? Вода в озере была совсем мутная. Смотрю на ее ноги, еле различаю, как в тумане. А рядом что-то большое, корявое, разлапистое, будто растопыренные корни поваленного дерева. И край сарафана ее вокруг одного из корней обвился, запутался. Я ткань дернула, а тот корень, как щупальце, вдруг извиваться стал, и остальные корни ко мне потянулись. А за ними что-то огромное в темноте двигалось. И будто два глаза смотрели на меня оттуда, на рыбы похожие. Я еще сильнее дернула край платья, и удалось его высвободить. Всплыли мы с той девочкой на поверхность и как ошпаренные из воды выскочили. Остальные на берегу уже стояли. Решили, что мы обе утонули. Когда я рассказала, какое страшилище на дне увидела, никто мне не поверил. Только у той девочки синяк с ноги месяц не сходил. Выходит, держало ее за ногу что-то... или кто-то. Но, может, не водяной это был, а коряга просто, и синяк на ноге был от того, что ударилась она об нее. А то, что корни шевелились, мне почудилось просто от страха, и глаза на самом деле были просто сучками.

– Прикольная страшилка, но не пойму, при чем тут сокровища? – высказалась Красавина.

– Не все могут похвастаться хорошим логическим мышлением, – съязвил Неупокоев. – А сокровища при том, и потому их не нашли до сих пор, что их водяной охраняет. В славянской мифологии о водяном сказано, что это настоящий черт, бес, нечистая сила и что существо это способно любой облик принимать.

– Ты это сам только что придумал? – фыркнула Красавина, плавным жестом откидывая за спину длинные волосы.

– Нет. В Интернете написано.

– На заборе тоже написано.

– А, может быть, вы помолчите, если хотите услышать продолжение? – Ладе снова пришлось стучать по столу указкой, которая уже и так вся была в трещинах. Стало тихо, и она продолжила:

– Водяной там был или нет, а только в деревне все говорили, что в омуте нельзя купаться. Мы однажды нарушили запрет и чуть жизнью не заплатились. С тех пор в воду лезть больше нас не тянуло. Если и шли вдоль омута, старались на воду даже не смотреть. Но однажды приехали какие-то ученые из города и привезли с собой оборудование. Принялись омут наш исследовать, искали что-то. Штуковины круглые на тресах в воду окунали. Тогда и пошел по деревне слух о сокровищах кучумовских. Говорили, что, возможно, в омуте они спрятаны, на дне. Наверное, кто-то из приезжих исследователей проболтался местным, потому что в каждой избе об этом только и судачили. Однако экспедиция на озере недолго простояла. Через неделю

случилась беда: двое участников пропали. Самое странное, что остальные их даже искать не стали. Вмиг собрались да уехали, половину оборудования своего бросили, будто бежали от чего-то или от кого-то. Больше не приезжали.

– А что за сокровища и кто такой Кучум? – раздался писклявый голос Вити Сомова. Его тут же осмеяли.

– Вечно считаешь ворон на уроках, – вздохнула Лада. – И зачем ты в школу ходишь, если все равно ничего не слушаешь?

– Хан Кучум правил в Сибири, а потом пришел Ермак и стал воевать с ним, – объяснил Неупокоев. – Ермак был убит в бою, но его воины гоняли хана по степям и лесам еще долгие годы, и тот, чтоб не таскать за собой сокровища и не растерять их по дороге, запрятал их в сибирских землях неизвестно где.

– И что, богатые у него были сокровища? – спросил Витя, удивив Ладу не свойственным ему любопытством к историческим фактам.

– Точной оценки его казны нет, но есть сведения о таких драгоценных изделиях, как трон на львиных лапах, отлитый из золота, алмазы чистейшей воды величиной с голову новорожденного ребенка, а уж золотых и серебряных блюд, перстней с изумрудами и рубинами у него было несметное количество, – сообщила Лада.

– Это круто, – кивнул Витя, явно впечатленный.

– Жаль, что убили Кучума, не узнав, где сокровища! – добавил Неупокоев, и тут прозвенел звонок. Все мгновенно сорвались с места, устроили, как обычно, в дверях давку, и через минуту класс опустел. Тотчас голоса учеников донеслись с улицы, врываясь в открытое окно. Урок истории был последним, и все двадцать пять подростков вихрем вырвались на волю, оглашая школьный двор радостными криками, девичьим визгом и нарочито грубым мальчишеским хохотом, больше похожим на лошадиное ржание. И топали они так же звучно. Подростки – такие юные – полные задора и радости. Лада вспомнила свое детство. Тогда у нее не было ни единого повода для веселья. Сдавленная тисками непрерывного страха, она не смела даже громко разговаривать, боясь, что ЭТО обратит вдруг на нее свой губительный взор. ЭТО было повсюду в той деревне, где прошло ее детство. Все знали об ЭТОМ и боялись. Умирали от ужаса в ожидании своей очереди, которая неумолимо приближалась с очередным исчезнувшим жителем. Кто мог, уехали в город или в соседние села, но большинство было не в состоянии купить себе другое жилье, а продать свой дом в таком захолустье было невозможно даже за копейки. Деревня вымирала.

В сельской местности населенные пункты пустели повсюду. Это было тенденцией времени. Города росли с каждым годом, а деревни исчезали одна за другой, и хотя это было грустно, но не было в том ничего ужасного. Люди просто уезжали в поисках лучшей жизни. С Камышовкой все было не так. Она вымирала в прямом смысле слова. Гибла, сжираемая ЭТИМ медленно, но неумолимо, по три-пять жителей за год. И хотя никто никогда не видел трупов или костей исчезнувших, все знали, что те мертвы. ЭТО заглянуло в каждый деревенский дом, оставив после визита горечь утраты и обжигающий пуще лютого мороза страх, лишаящий разума. Об ЭТОМ Лада не рассказывала своим ученикам, лишь позабавила их страшилкой о водяном. На самом деле все было гораздо хуже, чем водяной, сидящий в омуте. Покинув деревню в тринадцатилетнем возрасте, она никогда и никому не рассказывала о своих настоящих страхах. Кто бы поверил ей? В то время сочли бы, что у нее богатая фантазия, как у многих бывает в юности, а если заявить о таком сейчас, когда исполнилось двадцать восемь, решат, что ей необходимо лечение у психиатра, и, скорее всего, отстранят от работы учителем. Поэтому даже ее родная тетя, которая увезла ее после того, как Лада осталась сиротой, ничего не знала о том, что творилось в деревне.

Тетя и мать Лады были сестрами и родились в городе, но мать, повзрослев, вышла замуж за деревенского. Познакомилась во время выездов на полевые работы. Тогда студентов посы-

лали в помощь колхозникам, убирать урожай, и, встретив свою судьбу на картофельном поле, мать вышла замуж и осталась в Камышовке, несмотря на уговоры родителей вернуться в город вместе с мужем. Муж, отец Лады, хотел быть хозяином в своем доме. В то время Камышовка была еще многолюдной и зажиточной, а исчезновения людей считались несчастными случаями. И если поговаривали о нечистой силе, то отец Лады тогда над такими слухами лишь посмеивался, считая досужим вымыслом суеверных стариков. Сам не верил ни в Бога, ни в черта, как и положено было настоящему советскому человеку. Он был молод и мечтал о крепкой деревенской многодетной семье. Детей у них с матерью родилось пятеро. Лада была последней и – единственной, оставшейся в живых. Старшего брата Тимофея она не помнила: он исчез, когда ей было три года. Образ второго брата, Елисея, был смутным, еле уловимым. Зато Лада запомнила душераздирающие рыдания мамы. Тогда она не поняла, что случилось. Но с тех пор Елисей дома больше не появлялся.

Несколько лет прошло, Лада пошла в школу. В соседнее село через лес шли гурьбой. Она и две старшие сестры старались не отставать от остальных, помня строгий наказ родителей. Иногда это было непросто: лес манил то ягодной полянкой, то семейкой крепких подберезовиков, то пестрыми цветами, выглядывавшими из травы неподалеку. Ладе хотелось добраться до лесных даров, но она не смела и на шаг отойти в сторону. «Не вздумайте отойти, не то лесные буки вас сразу заберут!» – пугала мать. Кто такие эти буки, она объяснять не хотела. И каждый раз всю дорогу Ладе чудились ужасные страшилища, выглядывающие из переплетения ветвей, нависающих сверху, из кустов шиповника, густо разросшихся между сосен, из-за черных, будто сажай испачканных, стволов. Иногда ей казалось, что в темных дуплах светятся чьи-то злые глаза, следящие за ними.

Однажды после ночного ливня дорога превратилась в жидкое месиво, идти по ней было невозможно. Вдоль нее росли колючие кусты, и детям пришлось углубиться в лес, темный и густой, с торчащими острыми пнями и поваленными бурей деревьями. Было ветрено, и сосны скрипели, покачиваясь, отчего казалось, что пространство вокруг наполнено жалобными стонами. В то утро исчезла одна из сестер Лады, Ксения. Как это случилось, никто сказать не мог. Она все время была где-то рядом, но когда пришли к опушке, за которой начиналось зеленое поле, ее уже с ними не было. Она будто растаяла. Ни испуганных криков, ни звуков борьбы – ничего. «Ее унесли буки, – решила Лада. – Наверное, забрали в дупло или затащили в нору, вырытую под старым пнем, и съели там». Все потому, что шли они не по дороге, а лесом, что было категорически запрещено.

Когда Лада и другая сестра, Маша, вернулись домой без Ксении, они даже сказать ничего не успели. По их растерянным, испуганным лицам родители все поняли сразу. Отец рухнул на пол, как бревно, и побелел. Он умер мгновенно – как выяснилось, от сердечного приступа. Его похоронили на местном кладбище за старой заброшенной церковью. Могил там было мало: своей смертью в Камышовке умирали редко. Мать, выплакав все слезы и охрипнув от рыданий, слегла. Перестала есть, все время смотрела в стену и бормотала что-то невнятное. Хозяйство легло на плечи девочек. Ладе тогда уже исполнилось одиннадцать, Маша была старше на два года. Ох, и тяжело им пришлось! Поначалу соседи приходили помочь, но потом перестали: у всех свои дела и заботы, на чужое хозяйство нет ни сил, ни времени. Маша взяла на себя самое трудное: – хлев, курятник и огород. А Лада хлопотала по дому и присматривала за больной матерью, беспрестанно бормочущей жуткую несусветицу, от которой волосы вставали дыбом. «Старый упырь, жрет и жрет, утробу набивает, насытиться не может. Кровь пьет человечью, кости грызет, мясо жует. Сожрал всех моих деток, ручки-ножки объел, – и не подавился. Чтоб скрючило его, чтоб язвами продырявило, чтоб брюхо его бездонное разорвало, чтоб внутренности его сгнили, чтоб мучился он веки вечные и покоя не знал». Лада как-то рассказала об услышанном Маше, но та лишь отмахнулась: «Из ума она выжила, не видишь разве?» Но Ладе казалось, что мать говорит о каком-то человеке, которого знает. Спрашивать

было бесполезно, та ее будто не слышала, лишь твердила одно и то же: «Кровь пьет, мясо жует, кости глодает... Изыди, лютий, изыди!» Лада старалась не слушать ее бред, но с каждым днем поведение матери ужасало ее все больше. Тихий ропот сменился криками: «Прочь, изверг! Не трожь мя! Пшел вон из дома, кровопивец!» При этом она иступленно махала руками в воздухе, будто хотела ударить кого-то. Теперь и подходить-то к матери было страшно. Однажды, дождавшись затишья, Лада приблизилась к кровати с тарелкой щей, чтобы накормить ее, и та вдруг ударила по миске кулаком, да так, что брызги по всей спальне разлетелись. Лада отпрянула и залилась слезами, не зная, что делать. Лучше б уж навоз в коровнике чистила да огород вскапывала, чем видеть, что с матерью творится. Та лишь к ночи затихала, когда Маша, уработавшись, возвращалась в дом. Лада жаловалась ей, но сестра отмахивалась: «Перестань. Делай, что должна. Мать о тебе заботилась, а ты, что же, отлынивать вздумала? Мне и так трудно, без твоего нытья. Вот, глянь, какие мозоли надулись. Дрова колола, землю копала, воду таскала. А ты сидишь в доме, не утруждаешься, еще и недовольна». «Но мне страшно, Маша», – сквозь слезы шептала Лада, зная, что та уже не слушает ее. И все продолжалось по-прежнему, но внезапно закончилось одной из летних ночей, пугающих тягостной мертвой тишиной.

Лада проснулась от скрипа отворяемой входной двери. Сон улетучился мгновенно, сменившись ужасом. Кто? Вошел или вышел? Прислушалась – шорох какой-то в сенях. Потом вторая дверь хлопнула – та, что на улицу ведет. Она вскочила с постели и к окну метнулась. Как раз мимо него проплыла сутулая фигура матери в ночной рубаше и с вилами наперевес. Куда это среди ночи идти вздумала? Зачем вилы ей понадобились? И вообще, не сон ли это? Мать уж год не вставала и подавно никуда не ходила после смерти отца. Не веря своим глазам, Лада побежала в материнскую спальню. Пусто. Смятое одеяло валялось на полу. «Маша!» – закричала она, бросилась в комнату сестры, попыталась растормошить ее, но та спала крепко. Тогда, боясь, что мать сотворит что-нибудь страшное, Лада выбежала на улицу. Белое пятно ночнушки маячило уже далеко, в конце улицы. Быстро же она идет! Лада припустила следом, но, как ни старалась, не могла ее не то что догнать, но даже хоть немного приблизиться. «Мама! Постой! Куда ты?» – кричала Лада, но отвечали ей лишь потревоженные собаки, мечущиеся за глухими заборами. Недоумевая, как матери удавалось так быстро передвигаться, она бежала что есть мочи, но расстояние между ними только увеличивалось, а белое пятно вдали уменьшалось. Вскоре оно совсем растаяло, исчезнув в ночи.

– Эй! Чего домой не идешь? – От тягостных воспоминаний ее отвлек знакомый голос. В класс ворвалась Лариса – именно ворвалась, а не вошла. Она всегда так перемещалась, словно на пожар спешила, создавая вихри в воздухе. Определение «темпераментная» подходило к ней во всех отношениях: шумная, резкая и всегда как будто на взводе. И хотя класс был пуст, в нем сразу стало тесно от ее громоздкого, пышущего здоровым жаром тела, от громкого низкого голоса, от облака тяжелых сладких духов, от взмахов полных рук, которыми она сопровождала свою бронебойную речь, способную оглушить даже тугоухого. Лариса всегда говорила много, умудряясь при этом не сказать ничего существенного. Выслушать ее до конца было невозможно. Поначалу Лада вежливо терпела ее бессмысленные тирады, произносимые с таким апломбом, будто ничего важнее в этот момент быть не могло, но потом поняла, что хоть перебивать и некрасиво, однако это единственный способ превратить монолог в диалог. Удивительно, но Лариса сразу замолкала, уступив право слова собеседнику. Потом Лада поняла, что та просто не любила паузы в разговоре и считала своим долгом заполнять их.

Вот и сейчас Лариса тараторила, собирая в кучу все, что в голову взбредет: об аномальной для мая жаре, о продуктах со скидкой в ближайшем супермаркете, о решении сесть на очередную диету, о последних новостях в мире шоу-бизнеса, потом вновь вернулась к теме продуктов, жалуясь на бесконечный рост цен, вспомнила о надоевшем отце-алкоголике и в который раз заявила, что в ближайшее время непременно выйдет замуж. К этому моменту Лада собрала свои бумаги, закрыла окно и вымыла классную доску. Теперь можно было идти.

Она молча пошла к выходу. Неумолкающая Лариса не отставала ни на шаг. К несчастью, она была не только коллегой по работе, но и соседкой по подъезду. Ее квартира находилась на этаже ниже той, где жила Лада, поэтому назойливую трескотню придется слушать всю дорогу. Но Лада уже привыкла к этому за много лет, как и к тому, что Лариса заявлялась к ней в гости чуть ли не каждый вечер, если у нее не было свидания с очередным кандидатом в женихи. Замуж она рвалась страстно, готовая пойти за первого встречного, но почему-то никто ее в жены не брал. После нескольких торопливых встреч несостоявшийся муж сопротивлялся всем ее попыткам продолжить общение, ссылаясь то на занятость, то на болезнь, то просто игнорируя бесконечные телефонные звонки. Лариса атаковала до тех пор, пока не появлялся новый кандидат. Знакомилась по интернету, переписывалась, но до реальной встречи доходило редко. Жила она вместе с отцом-алкоголиком, каждый вечер напивавшимся вдрызг. Тихий незаметный человечек после полулитра горячительного превращался в дикое непредсказуемое существо: мог запустить в дочь тяжелым предметом, ругал матом, все время опрокидывал мебель, шумел – в общем, не давал жить спокойно. Наверное, поэтому Лариса так отчаянно стремилась к замужеству, не из-за желания обрести любовь и семью, а просто, чтобы вырваться из ада. Когда, обычно к ночи, ей становилось совсем невмоготу, она поднималась к Ладе, и при этом у нее было такое просительное и виноватое лицо, что та не могла ей отказать. Проболтав около часа ни о чем, они вместе спускались в квартиру Ларисы – одна она заходить боялась. Если отец спал, а обычно так и было, то Лада возвращалась домой. Но бывало, что, едва приоткрыв дверь, они ее тут же захлопывали, и что-нибудь тяжелое билось в нее с той стороны. Тогда Лариса оставалась ночевать у Лады, которая боялась, что когда-нибудь Лариса к ней переселится. Горемычная соседка и так не раз замечала то, что ей, Ладе, привольно живется одной в трехкомнатной квартире, доставшейся по наследству от тети. Семью Лада так и не завела. Она и не прилагала к поиску мужа никаких усилий, считая, что судьба сама исполнит предначертанное. Все мужчины, обратившие на нее внимание, казались Ладе чужими. Она ждала суженого, как героиня старомодного женского романа, будто не замечая уходящей молодости.

Едва они вышли на школьное крыльцо, как аромат едва пробившейся листвы вскружил голову. Солнечные лучи накрыли теплыми объятиями. Шум резвящихся во дворе детей оглушил. На душе у Лады сразу стало радостно, но радость была с горчинкой, с примесью тревоги. Наверное, это никогда не пройдет. Невозможно забыть то тягостное ноющее чувство, предвидение скорой беды, терзавшее ее в детстве с наступлением мая. Лада хорошо помнила, что с весенним теплом, с подснежниками и пением птиц в Камышовке начинался сезон горя. И хотя она знала и ждала, каждый раз это случалось внезапно. Однажды улица оглашалась воем, протяжным и жутким, означавшим, что в семье кто-то пропал. Потом в течение лета такое случалось регулярно, один-два раза в месяц. В чью-то избу приходила беда, заставляя остальных тряситься от страха и гадать, не их ли черед наступит следом. Лишь с холодами деревенские могли вздохнуть спокойно, зная по опыту, что зимой бояться нечего. Говорили, что зло, истребляющее жителей, на зиму впадает будто бы в спячку, как медведь, и никого не трогает до весны.

– Смотри! – Локоть Ларисы больно ткнулся Ладе в бок. – Вон наши смутьяны, Неупокоев и Разгуляев, шушукаются. Опять каверзу замышляют, поди. Или курить собираются.

Лада узнала мальчишек, стоявших на углу школы. Неупокоев держал в руках мятый желтый листок, который оба рассматривали с таким видом, будто это было нечто диковинное. Лариса уже тянула ее за руку, увлекая за собой. Заметив приближение учителей, те вдруг перепугались, а листок, смятый резким движением, исчез в кулаке Бориса.

– Что это там у вас? – Лариса подозрительно посмотрела на спрятанные за спиной руки ученика.

– Это личное, – ответил Неупокоев. Страх исчез, взгляд стал вызывающим.

– Личное у тебя дома, а здесь территория школы. Показывай! – скомандовала Лариса, сгоравшая от любопытства.

– Да перестань, – тихо шепнула Лада, стараясь, чтобы мальчишки не услышали. Неправильно подрывать учительский авторитет, не могла же она при них сказать ей, что это, и правда, не ее дело.

– Любовное письмо у него, – сообщил Разгуляев и хихикнул. – Вам не интересно будет.

– А, так вы любовные письма вместе читаете, что ли? – не унималась Лариса, нависая над ними горой. – Вижу, что врете. Показывайте! Любовные письма давно пишут в электронном виде, а ваши физиономии говорят мне, что вы что-то нехорошее затеяли!

– Не на что смотреть, – Разгуляев невозмутимо убрал комок бумаги в карман. – Пойдем, Санек.

– Нет, не пойдете, пока не покажете! – Лариса уперла руки в бока. Ладе было стыдно за свою коллегу. Даже если у мальчишек репутация хулиганов, все равно нельзя так себя вести. Они же ничего плохого не сделали!

В этот момент за спиной раздался голос директора:

– Так! И что они на этот раз натворили?

Лариса вздрогнула и мгновенно перевоплотилась. Теперь вместо злобной «училки» возникла добрая фея, мечтающая осчастливить весь мир. Ее взгляд устремился в лицо директора, губы растянулись в улыбке, отчего ее лицо стало еще шире.

– Добрый день, Федор Гаврилович!

– Что происходит? – снова спросил директор, покосившись на сына, теперь уже не выглядевшего таким дерзким.

– Говорят, любовные письма читают. – Лариса хихикнула, и Лада готова была от стыда под землю провалиться.

– Ничего подобного! – буркнул Борис, глядя на отца.

Тот пожал плечами, усмехнулся и сказал:

– Ну-ну! Уроки кончились, почему домой не идешь?

– Иду уже.

– Хорошо. Я до пяти в школе. К ужину буду. Если хочешь, можешь пиццу заказать.

– О! Класс! – Борис не скрывал радости. – Пицца! А можно еще острые крылышки и фри?

– Это вредно, – ответил директор и посмотрел на топчущуюся рядом Ларису. Наверное, ему неудобно было обсуждать при них семейные дела, и Лада, взяв подругу за руку, повела ее прочь со школьного двора. Та повиновалась, но неохотно, и несколько раз оглянулась на высокого крепкого мужчину в строгом костюме, бормоча:

– Нет, ну какой мужик, только посмотри! Один, без жены, сына растит! А костюмчик, как с витрины! Аккуратист! И красавец! Ты заметила, как он на меня смотрел?

Лада подумала, что директор на Ларису вообще не смотрел, но вслух сказала:

– Ага.

– Сто процентов, он на меня глаз положил! – продолжала распаляться та, путая мечты с реальностью. – С скромный, сказать сам не может. Придется самой брать быка за рога!

Лада представила себе эту картину, и ей стало смешно. Наверное, бедному директору придется искать пятый угол, когда решительная Лариса ворвется в его кабинет, чтобы взять инициативу в свои руки, тем более что у Федора Гавриловича была репутация заядлого холостяка. Преимущественно женский коллектив школы часто обсуждал его неприступность, ведь попробовать завязать с ним отношения стремились многие. Он нравился даже Ладе, хотя она, наверное, была единственной, кто не предпринял еще ни одной попытки. Ну, разве что, позволила себе улыбнуться пару раз. И то улыбкой это было трудно назвать – лишь намеком, особенно если сравнивать с Ларисиной.

Минут за двадцать дошли до замызанной блочной пятиэтажки, одной из нескольких десятков таких же, расположенных в рабочем районе на окраине города. Дома здесь были обшарпанные, с захламленными старьем балконами, с изрисованными стенами, стайками облезлых кошек у подвальных проемов и пропахшими мочой подъездами. Но после жизни в Камышовке Ладе такое жилье казалось райским. Здесь были налаженный быт и спокойствие. И хотя безопасным район назвать было нельзя, все же это была совсем не та опасность, которая таилась повсюду в той маленькой глухой деревушке. Здесь по вечерам шныряла пьяная шпана, на глаза которой лучше было не попадаться, но эту опасность можно было увидеть и просто перейти на другую улицу или свернуть во двор и подождать, пока гомонящие шатающиеся личности уйдут подальше. В Камышовке же не было ни одного укромного местечка, где бы можно было расслабиться и перестать бояться. Там Ладе повсюду мерещились темные тени, злые глаза, жадные руки с когтями на скрюченных пальцах, жуткие странные морды неизвестных существ, то мелькающие в дальних углах дома, то заглядывающие в освещенное лунной окно. Особенно тяжело стало после того случая, когда мать ушла в ночь, угрожающе выставив перед собой железные вилы – три длинных острых штыря, направленные на невидимого врага. Лицо матери, мелькнувшее в окне, было искажено гневом и казалось чужим, будто это была уже и не она, а нечто чужое, некая злобная сущность, спрятавшаяся под знакомой оболочкой. Ту ночь Лада старалась не вспоминать, гнала прочь мысли о случившемся, желая навсегда забыть пережитый кошмар. Но память время от времени подбрасывала ей картины прошлого, будто ЭТО продолжало преследовать ее, не отступая. Не позволяло забыть о себе.

У двери Ларисиной квартиры они остановились и прислушались. Убедившись, что внутри тихо, Лариса повернула ключ в замке и осторожно вошла. Пахло старым перегаром. Скрипнули дверные петли, и из глубины жилища тут же раздался жуткий утробный вой:

– Ить суды, лярва! Куда поллитра дела? А?

Лариса обернулась к Ладе. Лицо ее при этом сморщилось, будто она хотела заплакать, но сдерживалась.

– Пойдем ко мне, – со вздохом позвала ее Лада.

– Ладно. Переоденусь только и приду. – Лариса опустила виноватый взгляд. – Ведь не помешаю?

– Приходи, буду ждать. – Лада ободряюще пожала ее руку и заспешила вверх по лестнице. За закрывшейся дверью продолжал реветь пьяный Ларискин отец, и от его голоса мороз продирали по коже.

Ларисы долго не было. Лада успела принять душ, облачилась в уютную домашнюю пижаму, посмотрела новости и подремала. Проснувшись, заварила две огромные кружки какао, а соседка все не шла. Делая бутерброды с колбасой и сыром, она уже надеялась, что, может, Ларисин отец уgomонился и она не придет, но в дверь позвонили. Когда Лада открыла, ей сразу бросилось в глаза то, что подруга выглядит как-то странно, не так, как обычно. В ней что-то изменилось. Взгляд казался напряженным и колючим, будто не Ларисины глаза, а чужие. И она не болтала. Молча вошла, сбросила тапки у порога и босиком прошлепала в кухню, будто шла на запах горячего шоколада, даже нос подняла кверху, как собака. Лада напряглась. Отголосок старого страха шевельнулся в глубине души. Возникло ощущение, что вслед за Ларисой в квартиру вошло что-то еще – зловещее и могущественное. Темная сущность, которая обитала в Камышовке во множестве, и которую Лада распознавала нутром и кожей. Здесь, в этом доме, в этом городе, Лада еще ни разу не сталкивалась с ЭТИМ, но теперь отчетливо почувствовала – ЭТО здесь.

Она стояла у окна и смотрела, как Лариса отхлебывает из кружки обжигающий напиток, уставившись в стену, как мелко дрожат ее руки, и казалось, слышала учащенное биение ее сердца, чувствовала, как ее кожа покрывается испариной, словно это было ее собственное тело. Что она натворила? Что произошло? Как человек всего за час мог так измениться? Лада

не задавала вопросов. Это было страшно. Ждала. Лариса жадно глотала какао и вскоре опустошила полулитровую кружку. Заглянула внутрь, будто удивляясь, что там ничего нет, и отодвинула. За это время она не проронила ни единого слова, что было ей совершенно не свойственно. Это была другая Лариса, не та, с которой Лада совсем недавно распрощалась этажом ниже. Наконец, когда прошло не меньше часа и молчать стало невыносимо, Лада осмелилась задать вопрос, хотя и понимала, что это бессмысленно:

– У тебя что-то случилось?

Та вздрогнула, но не взглянула на нее. Только глаза вдруг забежали, будто она не знала, что сказать. Придумывала. Потом ответила совсем невпопад:

– Можно, сегодня у тебя переночую?

– Ладно. – От мысли, что всю ночь в ее квартире будет ЭТО, явившееся вместе с Ларисой, Ладе стало плохо, но причины для отказа она придумать не смогла.

– Тогда можно, я спать пойду? – спросила Лариса каким-то бесцветным голосом, по-прежнему не глядя Ладе в глаза.

– Да. – Лада кивнула, и Лариса сразу встала и пошла в спальню покойной тети, где ночевала уже не раз. Вскоре оттуда раздался скрип кровати и шорох одеяла. Лада в ступоре продолжала стоять у окна. Уснуть ей сегодня точно не удастся.

Вдруг Лада поняла, что Лариса пришла без ключей от квартиры. Она была в майке и спортивном трико без карманов, в руках у нее тоже ничего не было. А значит, дверь ее квартиры осталась незапертой. Вряд ли пьяный отец был в состоянии закрыть ее за ней.

Ноги сами вынесли Ладу в подъезд. Постояла на площадке, прислушиваясь. Тихо. Лишь негромкие звуки работающих телевизоров, покашливание, детский смех проникали в подъезд из квартир. Ничего необычного. Дом жил своей жизнью. Она начала спускаться вниз, осторожно ступая, хотя была в домашних тапочках, и без того делавших шаги бесшумными. Вот и дверь Ларисиной квартиры. Так и есть, не заперта. Сквозь приоткрытую щель виден свет электрической лампочки. Лада легонько толкнула ее. Дверные петли скрипнули, как и в прошлый раз, и она напряглась, ожидая, что сейчас раздастся пьяный возглас, но все было тихо – так тихо, что она слышала тиканье настенных часов. И звук работающего холодильника. И капающую из крана воду. Она медленно прошла по коридору и остановилась перед тремя дверными проемами. Несколько раз ей доводилось бывать здесь, – давно, когда отец Ларисы еще не уходил в длительные запои. В последний год его запой почти не прекращался. Но Лада хорошо помнила расположение комнат. Справа – кухня, такая же крошечная, как у нее. Прямо – комната Ларисы, такая же яркая и вызывающая, как сама хозяйка. В памяти всплыли детали интерьера: бордовые шторы, белый в алых розах диван, на ночь превращающийся в кровать, пурпурный ковер и аляповатые пестрые обои, как будто разноцветную краску по стенам разбрызгали. Изобилие всех оттенков красного нравилось хозяйке, но по мнению Лады, резало глаз. Слева была комната отца-алкоголика –единственное место в квартире, где она прежде никогда не была. Дверь в нее всегда была закрыта, но запах спиртного, немытого тела, нестиранного белья пробивался оттуда все равно. Лариса всегда извинялась, объясняя, что отец не позволяет ей поменять его постельное белье, не дает стирать свою одежду, не пускает, чтобы сделать уборку. Наверное, она и сама не горела желанием лишний раз к нему заходить. Как она, бедная, столько лет все это терпит? И уйти некуда: на учительскую зарплату собственное жилье не купить, вот и мается. Лариса рассказывала, что раньше любила отца, до тех пор, как он сроднился с бутылкой. А случилось это сразу после того, как от него ушла жена, мать Ларисы. На фотографиях это была шикарная женщина, жгучая брюнетка с голубыми глазами. Ушла к директору фирмы, где они оба с отцом работали. Отец сразу уволился. Устроился куда-то охранником на смешную зарплату и начал попивать с горя, но о дочери не забывал: приносил деньги на продукты, готовил кое-какую еду. Ларисе тогда было лет двенадцать. Пришлось быстро научиться вести хозяйство, потому что горелую картошку и яичницу есть было невоз-

можно. Лада, оставшаяся без матери примерно в том же возрасте, сочувствовала ей всей душой и не осуждала, что та отзывалась об отце с брезгливостью и даже ненавистью. Еще неизвестно, как сама она вела бы себя, окажись в подобных условиях. Легко ли любить или хотя бы терпеть алкоголика, даже если это родной отец?

Теперь Ладе нужно было открыть эту дверь. От страха ее всю трясло. Но она должна была это сделать. И тогда либо страшная догадка подтвердится, либо она узнает, что больна паранойей. Пусть уж лучше последнее.

Толкнула ручку двери под оглушительный стук собственного сердца и отпрянула из-за тошнотворного смрада, хлынувшего из комнаты. Подавила рвотный позыв и окинула взглядом открывшуюся картину, освещаемую голой лампочкой, висящей под потолком на черном шнуре. Перед ней был хаос. Повсюду – на кровати, на стульях, на полу – валялись тряпки, которые с трудом можно было назвать одеждой. Из-за них она не сразу заметила тело. Оно сливалось с общим фоном, как правильно подобранный пазл, тем более что лежало лицом вниз. Руки раскинуты в стороны, ноги в драных трико согнуты в коленях. Неестественная поза для живого человека. В таком положении долго не пролежишь. Лада с ужасом смотрела на скрюченного на полу отца Ларисы, надеясь уловить признаки дыхания, но их не было. Превозмогая страх и омерзение от жуткой вони, она сделала пару шагов вперед. Увидела вокруг головы растекшуюся густую желто-красную массу, и до нее не сразу, но все же дошло, что это еще недавно было содержимым его желудка. Резко подкатившая к горлу тошнота заставила ее попятиться, и внезапно она столкнулась с кем-то, стоящим за спиной. Взвизгнув от ужаса, Лада обернулась и увидела Ларису. Вид у той был, как говорится, краше в гроб кладут. Лицо белое, глаза безумные, нижняя губа закушена, взгляд устремлен на тело.

– Папа, – прошептала она и вдруг завывала белугой. – Па-а-па-а! Папочка!

В два прыжка Лариса оказалась возле него, присела на корточки и резким движением перевернула его на спину. Лицо мужчины было искажено предсмертной гримасой. Рот был открыт, весь подбородок и грудь покрывала кровавая пена. Сомнений не было: он был мертв.

Лариса забилась в истерику. Лада вышла в коридор и достала телефон, дрожащими пальцами ткнула кнопку разблокировки, чуть не уронив его при этом. Тупо уставилась на вспыхнувший экран, не понимая, куда звонить – в «скорую» или в полицию? Потом все-таки набрала номер дежурной части. Приехали почему-то не только полицейские, но и медики тоже. И начались бесконечные расспросы. «Что вы делаете в квартире погибшего?» Лада растерялась. Что сказать? Пришла проверить, не умер ли отец соседки, которая пришла переночевать к ней? А с чего возникло подобное желание? В общем, пока Лада объяснялась, запутавшись в своих показаниях, несмотря на то, что говорила только правду и не пыталась ничего скрывать, наступило утро. Одновременно с ней допрашивали заспанных и ничего не понимающих соседей, а Ларисе сделали успокоительный укол, потому что она оглушительно выла и причитала. Лада была потрясена глубиной ее горя. Надо же, как убивается! А казалось, что она ненавидит своего отца.

Отпустили ее лишь с наступлением утра. Уставшая и одуревшая от вопросов, Лада поднялась к себе в квартиру. Из зеркала в прихожей на нее глянула растрепанная тетка с красными глазами, в которой она не сразу узнала себя. Нужно было собираться на работу, но мысли никак не хотели приходить в порядок, все время возвращаясь к Ларисе и ее отцу. Противное чувство омерзения не отпускало. Из-за него о завтраке нечего было и думать. Перед глазами стояла лужа кровавой блевотины. Но время начала ее урока неумолимо приближалось, и Лада, кое-как умывшись, одевшись и причесавшись, поспешила в школу, с грустью думая о том, что бедная Лариса сегодня там не появится. Решила, что после работы пойдет помогать ей с организацией похорон. Вряд ли сама она справится в таком состоянии. Интересно все-таки, от чего умер ее отец? В разговорах медиков с полицейскими звучали слова «отравление» и «метанол». Но случайно ли он купил «паленую» водку или кто-то специально подсунул ему ядовитый

напиток? А если так, то кто? Кто мог желать смерти запойному пьянице, кроме собственной дочери, измученной его пьянством? Не Лариса ли отравила собственного отца? Не поэтому ли она была такая странная, когда пришла к ней вечером? Не из-за этого ли Лада почувствовала темное нечто, сгустившееся у нее за спиной? Но горе, скрутившее ее, было так неподдельно! Трудно представить, что она способна была на хладнокровное убийство!

Запахавшаяся Лада влетела в класс вместе со звонком и с удивлением заметила, что детей мало. И это при том, что сезон гриппа давно прошел. Интересно, что за событие не позволило явиться на урок четвертой части ее учеников?

«Меркнет даже солнца свет в блеске золотых монет...»

Раиса распустила волосы и посмотрела на себя в зеркало. Раньше смоляные волны, обрамлявшие лицо, ее очень красили. Но не теперь. С возрастом щеки обвисли, от носа к уголкам губ протянулись некрасивые складки. И хотя волосы ее были так же густы и красивы, она прятала их, скручивая в узел на затылке. Постаревшее лицо они не спасали, а наоборот, словно подчеркивали увядание. Давно бы остригла, если б не Ленька. Он ей не разрешал. Ленька был моложе на пятнадцать лет, и она не понимала, почему он вообще обратил на нее внимание. Молодой тридцатилетний парень – такие теперь были в селе большой редкостью: все старались уехать в город. А он остался. Устроился электриком. Зарплата маленькая, чуть больше, чем сама Раиса получает на почте. Но зато «левый» заработок есть, и немалый. Правда, платят не всегда деньгами. Дают, кто чем богат: молоко, мясо, мед, варенье. Он все берет. Добрый. И делает на совесть, от души: не только розетки-лампочки, а еще и гвоздь прибить может, дров наколоть, огород вскопать – в общем, на все руки мастер. Для Раисы, муж которой сам ничего делать не умел, да и не хотел, Ленька был просто палочкой-выручалочкой. Часто приходилось его приглашать. Однажды заработался парень у них допоздна, а идти в другой конец села. Он на велосипеде быстро бы добрался, а тут дождь... Ну, не выгонять же на улицу человека? Остался Ленька на ночь, и с тех пор закрутилось у них. Муж, тот ничего и не понял, а в селе-то сразу все узнали. У местных жителей нюх на такие вещи. Раиса по улице шла и чувствовала, как ее из каждого окна взглядами сверлят. А уж обсуждали-то как! Наверное, мозоли на языках повздувались! «Гляньте на нее, при живом-то муже любовника завела! Да кого! В сыновья ей годится!» – шептали вслед. Ну и что? Мужу донести все равно не осмелятся. А и скажут, ему, поди, все равно: давно ее не замечает, а если и смотрит, то будто на муху назойливую, случайно в дом залетевшую. Ему бы на диване лежать и в телевизор пялиться. Лодырь, присосался к ней, как пиявка. Живет на всем готовом, палец о палец не ударит. Ест да спит. И выпить любит – на ее, между прочим, денежки. Тоска, а не жизнь была у Раисы до Леньки, а теперь новыми красками заиграла. Любовь вспыхнула. Ленька такие слова ей говорил, каких она раньше в жизни не слышала. Теперь, когда красота ее поблекла и скукожилась, она вдруг ощутила себя любимой, как никогда прежде и щедро благодарила своего воздыхателя. Чуть не всю зарплату ему отдавала. Эх, были б деньги, уехала бы куда-нибудь из этого прокисшего села, улетела б вместе с Ленькой на море, на заграничный курорт, какие в рекламе по телевизору показывают! Забыла бы опостылевшего мужа и двуличных соседей, которые в глаза улыбаются, а повернись к ним спиной, и у них яд с языков капать начинается. Вот бы они с Ленькой зажили! Дорогие отели, пляжи, бары-рестораны... Сказка!

Раиса вдруг снова вспомнила письмо странного старика, прочитанное вслух Светкой, с которой они вместе на почте работали. Почему-то оно запомнилось ей – особенно те слова, что были звездочками отмечены. Интересно, зачем старик их так выделил? Уж неделя с тех пор прошла, а письмо из головы не выходит. Странное такое! Она снова повторила слова, выученные наизусть: «Ясно. Зной. Невмоготу. Аритмия. Юность где? Давно еле корячусь. Лечусь атварами. Думаю когда уже чтоли умру. Маленько асталося». Раиса запомнила даже ошибки, сделанные дедом в помеченных звездочками словах. Вдруг это неспроста? Похоже на ребус. Что-то в этом есть. Какой-то секрет, она подозревала. Было у нее шестое чувство, в которое она верила, как и у сестры ее старшей, Алевтины. Это у них наследственное. Но только по сравнению с сестринским даром Раисе лишь крохи достались – так, чуть сильнее развита интуиция, чем у обычных людей. Ничего сверхъестественного. А вот сестра, та прямо ясновидящая. Всегда все про всех знает, но никого не осуждает. Добренькая. Раиса ее недолюбливала: слишком уж правильная, просто святая. Рядом с нею она особенно остро ощущала собственное несовершенство, хотя та никогда ее ничем не попрекала, на путь истинный не наставляла и даже

любовную интрижку с Ленкой не упомянула ни разу! Но глаза у нее, господи... Глянет, и душу щиплет, будто крапивой ожгло. Раиса и сама знает, что живет дрянной жизнью, неправильной. Дочку родила, да отказ в роддоме написала. А как растить дите, когда муж-инвалид на шее? И вообще, зачем они, дети? Смотрит Раиса, как другие бабы своим детям жизнь посвящают, последнее отдают, а те вырастают – и поминай, как звали. Оперятся да упорхнут, а они, матери, к тому времени старухи уже, никому не нужные, даже собственным мужьям, потому что пока все внимание и любовь детям отдавали, тем не доставалось ничего, и они отвыкли. Не надо им теперь ни любви, ни заботы. А кому надо, те в другом месте нашли. Так-то вот. Жизнь, однако, один раз дается. Раиса считала, что эту ценность не стоит разбазаривать. Но стоило глянуть Алевтине в глаза, и сразу начинали ее мучить мысли о собственной никчемности. Вроде, хорошая сестра, добрая, но Раиса избегала ее.

«Но что же там с этими мечеными словами? – продолжала она ломать голову. – Что же в них спрятано? «Ясно. Зной. Невмоготу. Аритмия. Юность где?» Кто так пишет письма? Чушь какая-то!» И вдруг ее осенило. Раиса схватила карандаш, валявшийся на туалетном столике среди кучи расчесок и помад, взяла газету и принялась писать на полях первые буквы из каждого слова. Получилось: «ЯЗНАЮ». Сердце подпрыгнуло и заколотилось, как бешеное. Что-то интересненькое вырисовывается! Продолжила: «ГДЕКЛАД». Ух, ты! И что дальше? «КУЧУМА». «Ах ты ж, боже мой! – Она даже карандаш выронила, уставившись на получившуюся запись. – Вон оно что! Клад Кучума!» Уж про этот клад в селе не говорил только немой, а не слышал только глухой. Давно слухи ходят, что в окрестных лесах зарыты сокровища татарского хана. Несметное там богатство. Но никто не знает, где. А старик-то, выходит, знает! Вот хитрец! Вот почему живет отшельником в заброшенной деревне! На золоте сидит! Внучку хочет секрет сообщить, все пишет, пишет, и без толку. Не едет внучок. Или дед совсем адреса не помнит, или внучок его тупой, как бревно. А она, Раиса, совсем не дура, если ребус его сумела разгадать. Конечно, может быть и так, что дед просто из ума выжил, но интуиция, которая ее никогда не подводила, подсказывала, что письмо это – не бред, не пустышка. Есть клад. Вот только как сделать, чтоб дед ей место это указал? С чего бы старику с ней тайной своей делиться? Что ж придумать такое? Как выпросить? Ведь не скажет по своей воле. А что, если прокрасться незаметно к деревне да затаиться, понаблюдать? Выждать? Так она сможет узнать, в какой избе живет старик. А потом дождется, когда тот отлучится куда-нибудь – ну... ходит же он охотиться, рыбачить, да или просто по нужде выйдет, – а она в избу прошмыгнет и пошарит там... Наверняка где-то близко к себе дед хранит сокровище. А если не найдет ничего, так еще понаблюдает. Рано или поздно пойдет старик свой схрон проверить, так и выдаст ей заветное место. Вся эта затея, конечно, рискованная... Но даже если обнаружит старик ее присутствие, ведь не убьет же? Может быть, даже сжалится, поделится золотишком... А ей много-то не надо. Она б взяла монеток и колечек, сколько войдет в косынку, чтоб узлом завязать, и все. Хватило бы всю оставшуюся жизнь прожить в достатке. С Ленкой.

Раиса прикинула, когда сможет отправиться в Камышовку. Получалось, что можно и завтра, прямо с утра: как раз выходной. Страшно, конечно. Дорога сквозь лес дремучий. Но ведь есть, ради чего рисковать. Решила, что прихватит мужнино ружье, которое давно висит в сарае без дела. Ни разу не выстрелило. Теперь может понадобиться: волков отпугнуть, если что, или медведя. С ружьем-то не так страшно. Правда, бабки местные болтают про нечисть, которая вокруг мертвой деревни водится. Ну, на то они и бабки, чтоб болтать. «Решено, спозаранку пойду, – подумала Лариса. – А Прохору скажу, что у сестры побуду, на огороде помогу. Он все равно проверять не станет, хоть и знает, что отродясь такого не бывало, чтоб я в гости к сестре ходила, да еще помогать».

Уже засыпая в своей одинокой спальне, в которую муж уже несколько лет не заходил, Раиса представляла, как с тяжелым тугим узлом побежит сквозь лес, к своему селу, мимо родного дома, в другой конец длинной улицы, к Ленке, как вытряхнет богатство к его ногам,

как он вначале ошалеет, потом обрадуется, кинется к ней с поцелуями, на руки подхватит, закружит, засмеется счастливым красивым смехом. А потом они сразу уедут, ни на минутку не задержатся. Подальше отсюда, в новую жизнь, где ей не придется просиживать на почте, маясь от скуки, или ковыряться в огороде, а Ленька не будет больше крутить педали велосипеда и возиться с проводкой. Вместо этого они станут кататься на дорогом автомобиле по улицам города, заезжая в лучшие рестораны и модные магазины, а как надоест, улетят в самолете на белые пляжи с пальмами и будут нежиться в щедрых лучах южного солнца, лежа в удобных роскошных шезлонгах, и пить экзотические коктейли через изогнутые трубочки. Раиса даже заулыбалась, а потом вдруг откуда-то выскочила противная мыслишка, испортившая медовую сладость дегтярной горечью: муженек-то ее, Прохор, наверное, и не заметит ее отсутствия, пока соседи не хватятся и не спросят, куда это вдруг подевалась его благоверная. Да и обязательно добавят, что и Леньки след простыл.

До самого рассвета Раиса так и не уснула, лишь подремала немного. От предвкушения предстоящего приключения не получалось расслабиться. Поэтому, лишь небо слегка посветлело, поднялась и начала собираться. За стенкой храпел Прохор, а значит, не слышал скрипа половиц, шелеста полиэтиленовых мешочков и хруста фольги, куда она складывала бутерброды. Уйти удалось незаметно. Раиса на мгновение замерла на пороге, прижимая к груди корзинку, будто пытаясь остановить выпрыгивающее наружу сердце, и, собравшись с духом, шагнула в мокрую от росы траву. Проследовала вдоль некопаного огорода, пару раз оглянулась на входную дверь, боясь, что Прохор выглянет и крикнет, куда это она понеслась, в такую-то рань. Может быть, где-то в глубине души она этого даже хотела, просто, чтобы он хоть раз о ней побеспокоился. Но нет. Дверь оставалась неподвижной. Из окон никто не смотрел. Раиса осторожно откинула засов на калитке и протиснулась в узкий проем, стараясь не распахивать ее широко, чтоб не взвизгнули ржавые петли. Притворила за собой неплотно, чтоб не лязгнула задвижка, и засемила сквозь утренний туман по улице вдоль кособоких изб, уставившихся на нее нематыми стеклами. Отрезок пути до окраины был самым неприятным. Раиса будто чувствовала пронизывающие соседские взгляды, устремленные ей в спину, будто слышала их неодобрительный шепот: «Куда это она пошла с корзинкой? По грибы? В пять утра? В мае? Когда еще даже земляника не поспела?» Поминутно оглядываясь, Раиса бесшумно, но быстро продвигалась вперед. Вдруг она действительно услышала шепот. Остановилась, прислушалась. Различила два приглушенных голоса, мужской и женский – недалеко. Но не разобрав, что говорят. Прошла еще немного, снова встала, наострившись. Теперь лучше слышно. Звук поцелуя! Интересно, кто это там милуется и шепчется? И где? Не иначе, у Светкиного дома. Да не Светка ли это там, у калитки, стоит? Ее кудри желтые виднеются. И фигура похожая – зад, точно корма у баржи. Светка это, так и есть. Но с кем же? Не муж ее, другой мужик. И тут обомлела Раиса, аж ноги подкосились: узнала Леньку своего, и от слез в глазах защипало. Стоит, со Светкой обнимается! А ведь еще только вчера ее так же обнимал, точно так же плечи поглаживал. Ах ты, кобель шелудивый! Ах ты, паскуда! Первый порыв чуть было не толкнул Раису броситься на разборки и учинить скандал, но она вовремя сдержалась, вонзив ногти в ладони. Нет уж! Еще не хватало, все село сразу узнает о том, что они со Светкой мужика не поделили! После такого пальцем начнут показывать. Одно дело, судачат, что у нее любовник есть, этим Раиса даже гордилась. Другое дело, выяснится, что любовник-то не только к ней, а и по другим избам шастает. И что она за него еще и в драку лезет. Сразу в посмешище превратится. Так не пойдет! Раиса отступила к краю дороги, пригнулась, скрывшись под нависшими ветвями рябины, затаилась. Снова раздался влажный чмокающий звук, от которого ее передернуло. Вот же тварь эта Светка! И куда ее муж смотрит?! Дрыхнет, наверное, так же, как ее собственный, пьяные сны досматривает. А Ленька-то каков стервец! Ишь, и тут пригрелся! Чем она его приманила-то? Не красотой же. Денежкой, не иначе. Наконец, Раиса услышала шаги. Мимо нее проследовали Ленькины ноги в кирзовых сапогах, и раздалось тихое бряцанье

запираемого засова Светкиной калитки. Разошлись, наконец! Раису душили слезы, и она даже о кладе забыла, ошарашенная разоблачением своего ненаглядного. Некоторое время сидела на корточках под кустом, размазывая текущие по щекам ручейки. Но солнечный луч восходящего солнца заглянул в ее убежище и будто поманил. Она выбралась на дорогу и припустила бегом, чтоб поскорее добраться до леса, стоящего стеной за селом.

В березовой роще, наполненной утренней прохладой и птичьим щебетанием, Раисе вдруг полегчало. Она остановилась, обняла белый ствол в черных бороздках и почувствовала, как к ней возвращается способность мыслить. Ленька, конечно, подлец, но уж больно она к нему прикипела. Просто так Светке не отдаст. В селе бабка одна живет, намертво привороты делает. Раисиногу мужа приворожила, вон, до сих пор дома сидит, на других баб даже не смотрит. Правда, и на нее тоже. Но ведь не гуляет же! С ней живет! И Леньку приворожить надо. Тогда про Светку он и думать забудет, никуда от Раисы не денется. Правда, бабка та берет дорого, знает, что лучше нее никто не колдует. За мужа Раиса ей тогда приличные деньги отвалила. Теперь у нее столько нет. Все до копейки любовничек выманил, то, что от Прохора спрятать удалось. Ну, если только повезет золотишком разжиться, то и бабке будет чем заплатить. Так что нечего ныть, надо вперед топать, ковать свое бабское счастье! И Раиса, подхватив корзинку с едой, направилась дальше.

За светлой рощицей открылось просторное зеленое поле, а дальше угрожающе темнел хвойный лес. От него веяло страхом даже издали. Раису бросило в дрожь от мысли, что ей придется войти в него. Ей туда совсем не хотелось. Она любила свет и солнце, простор и освежающий ветер. Дремучих лесов избегала, особенно этого, сквозь который шла дорога на Камышовку. За всю свою жизнь она каких только страшилок не выслушала о нем! Теперь вот проверит, правда ли то, что болтают в селе. В народе говорят, дыма без огня не бывает. Наверное, и впрямь нечистая сила обитает в лесных дебрях. Но ведь как-то же ходит старик из Камышовки, и ничего с ним не случается. Даст Бог, и с ней не случится.

Раиса вздохнула, глядя на пышные сосны, сцепившиеся друг с другом мохнатыми лапами, будто заслоняясь от солнечного света, перекрестилась и решительно нырнула под колючий полог, тотчас оказавшись в прохладном сумраке. Как-то неожиданно резко смолкли звуки. Вот ведь странно: еще два шага назад ее окружал стрекот кузнечиков и птичий щебет, а теперь воцарилась тишина – такая давящая и зловещая, что сердце в пятки ушло. Раиса сделала еще один шаг и вздрогнула от оглушительно захрустевшей под ногой сухой ветки. Звук был похож на выстрел и прозвучал гулко, как в колоде. Она испуганно оглядела неподвижные стволы сосен, бросила тоскливый взгляд назад, где в просветах между ветвями виднелся кусочек зеленого поля, снова тягостно вздохнула и, собрав волю в кулак, зашагала вперед. Сумрак сгущался вокруг нее с каждым шагом. Свет за спиной таял и вскоре исчез. Страх давил все сильнее. Казалось, что вокруг нее плавают странные тени, кружат, точно стая голодных ворон, выжидая удобный момент, чтобы наброситься. Раиса опустила голову и решила не смотреть по сторонам, тем более что ориентир – вот он, прямо под ногами. В траве то и дело выглядывали полусгнившие доски, едва заметные под слоем осыпавшейся хвои. Это была старая дорога. Раньше по ней в Камышовку можно было проехать на больших машинах – тракторах, комбайнах, грузовиках. Были времена, когда поля вокруг деревни засеивались и обрабатывались, а затем с них собирали урожай. Это было давно. Уж лет двадцать, если не больше, никто дорогой не пользовался. Лес поглотил просеку, будто ее и не было. Затянул молодняком и кустами старые доски, которые теперь не облегчали путь, служили лишь указателями, метками.

В голову Раисе полезли жуткие байки о нечисти. В селе их любили рассказывать. Говорили, что бесовские отродья в разных обликах являются. Это может быть черт рогатый с раскаленными углями вместо глаз, свиным рылом вместо носа, с копытами на козлиных ногах и длинным хвостом. Или леший – злой лесной дух, огромный и весь кривой, издали похожий на высохшее старое дерево, но, несмотря на это, резвый и юркий, ступающий незаметно по следам

одинокого путника и загораживающий дорогу так, чтоб тому непременно пришлось бы свернуть с натоптанной тропинки. Леший может долго оставаться незамеченным, находясь прямо на виду. Медленно, но верно заведет в дебри нехоженые, да там и расправится. Душу высосет, а плоть звери дикие сожрут, и останутся в траве-мураве лишь белые косточки, которые никто никогда не найдет. Еще бывают кикиморы болотные, те обычно в топких местах водятся. Если грязь под ногами чавкает без дождя, жди беды. Появиться могут в облике знакомого человека, близкого родственника. Будут плакать, звать, умолять. Стоит лишь в глаза им глянуть – и все, конец. Не выбраться. Потому в глухих лесах лучше ни на чей зов не откликаться, даже если мать родная послышится. Но страшнее всех, говорят, водяной, болотный бес. Огромную силу имеет. Не дай Бог с ним встретиться – не уйти никак. Личины разные принимает. Красивым юношей может прикинуться или беспомощным стариком. Так заморочит, что и не поймешь, как попался на бесовскую уловку. А уж когда облапит, все безобразие его и проявится. Жуть такая, что от одного вида помереть можно! Однажды мужик один деревенский рассказывал, что еле ноги унес от страшилища болотного. Смеялись над ним, не верили. А он в ту же ночь помер. Медики сказали, приступ сердечный случился. Вот так! Водяной то был или нет, а что-то бедолагу до смерти испугало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.